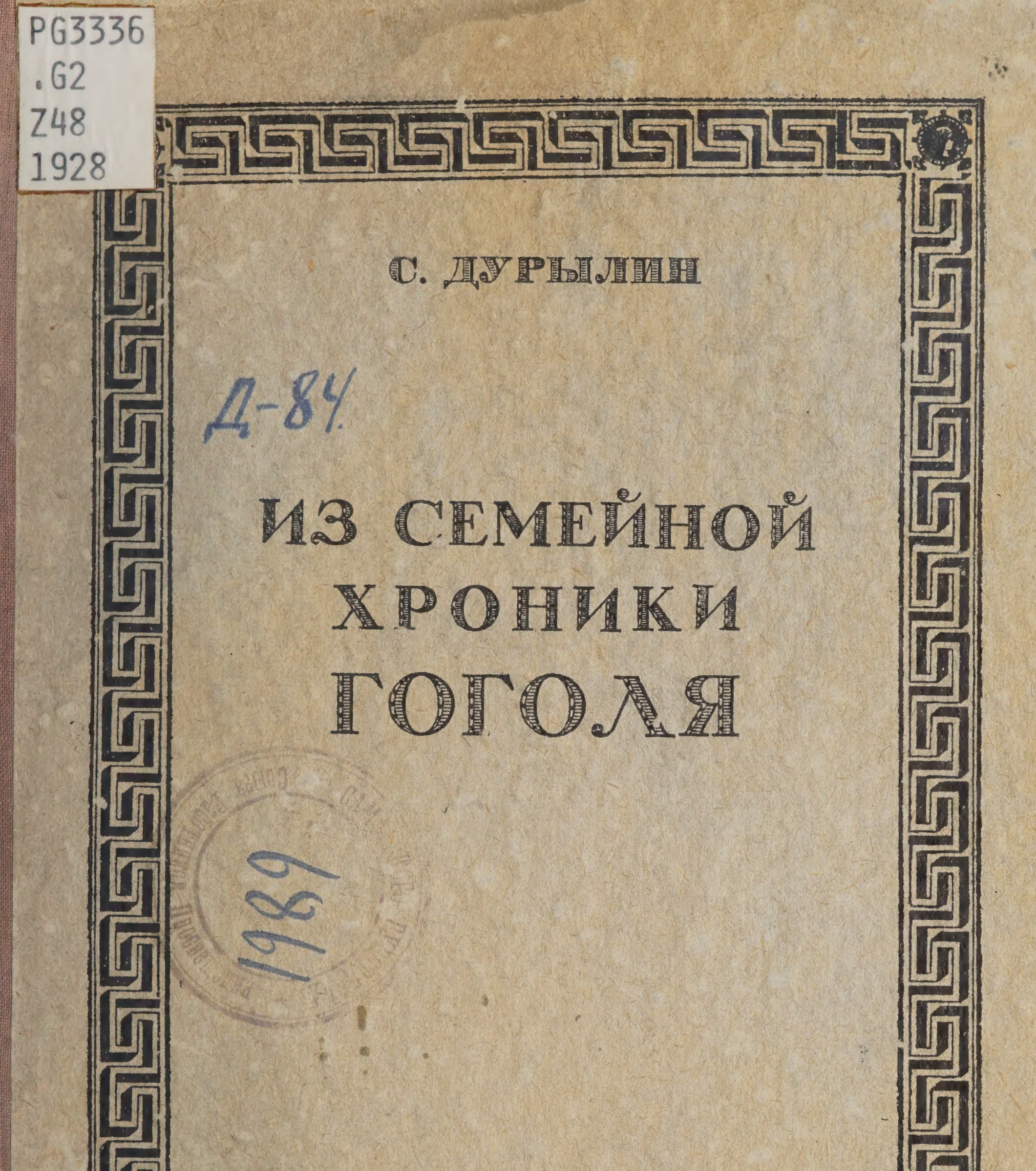

С. ДУРЫЛИН

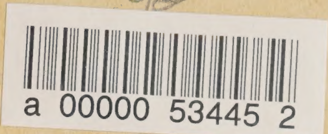

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ ГОГОЛЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК
МОСКВА 1928

LUX
LIBERTAS

a 00000 53445 2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

ТЕКСТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

С. ДУРЫЛИН

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ
ГОГОЛЯ

ПЕРЕПИСКА В. А. и М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКИХ

ПИСЬМА М. И. ГОГОЛЬ К АКСАКОВЫМ

1928

Печатается по постановлению Ученого Совета ГАХН.
Ученый Секретарь А. А. Сидоров.

Главлит № А 19.803 Заказ № 1503 Тираж 1000

(39-я) „Интернациональная“ типография „Мосполиграф“, Путинковский, 3.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издаваемая впервые переписка В. А. и М. И. Гоголь-Яновских, относящаяся к 1822 и 1825 гг., была в руках Вл. Ив. Шенрока, автора известных „Материалов для биографии Н. В. Гоголя“, но из нее он воспользовался лишь несколькими строками, напечатанными с небольшими сокращениями и изменениями в I томе его „Материалов“ (на стр. 49, 54, 55). В настоящем издании переписка печатается полностью, буква в букву, с подлинников, находящихся в моем собрании и полученных мною от сына биографа Гоголя, покойного моего друга, Сергея Владимировича Шенрока.

С подлинников же, в совершенно точной передаче текста, печатаются и письма М. И. Гоголь к семье Аксаковых. Подлинники писем 1842, 43, 44 и 59 гг. (всего 6) принадлежат Государственной Академии Художественных Наук. Остальные письма (1847—1858 гг.) находятся ныне в Музее-усадьбе имени С. Т. Аксакова „Абрамцево“, под Москвой.

Текстам предпосылается небольшое исследование, пытающееся на основании впервые здесь обнародоваемых материалов и старых источников внести некоторый свет в довольно темный вопрос биографии Гоголя — в изучение социальной и хозяйственной среды, которая окружала Гоголя в его молодые годы, и в изучение личностей его отца и матери.

С. Дурылин.

М. И. Гоголь-Яновская

I.

Первое впечатление, которое выносится из знакомства с жизнью родителей Н. В. Гоголя, Василия Афанасьевича и Марии Ивановны Гоголь-Яновских, в их Васильевке, это то, что их жизнь — та самая, любимая Гоголем, „старосветская жизнь", где „ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами". „Багрянец вишен и яхонтовое море слив" покрывают яркими красками довольства и щедрости эту глухую жизнь, а густая тень „развесистых кленов" прочно укрывает в ней все, что потемняло бы яркость этих „багрянцев и яхонтов". Всё при приближении к этому уютному царству довольства и покоя, всё притихает, умиряется, делается ласковым: „когда бричка под'езжала к крыльцу" старосветского домика вроде того, в котором жили в Васильевке В. А. и М. И. Гоголь-Яновские, „душа принимала удивительно приятное и спокойное состояние: лошади весело подкатывали под крыльцо; кучер преспокойно слезал с козел и набивал трубку, как-будто бы он приезжал в собственный дом свой; самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен ушам". Если бы, встречая гостя, с крыльца такого старосветского домика сошли не Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна Товстогубы, а Василий Афанасьевич и Марья Ивановна Яновские, то мы не нашли бы между ними разницы: „на лицах у них всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя по крайней мере на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь".

Биографами Гоголя много сделано для изображения этой „буколической жизни“ в Васильевке.

Документы не дают возможности установить точную дату рождения Василия Афанасьевича Гоголь-Яновского. С достоверностью можно сказать, что он родился не раньше 1780 года [1]). Дед Гоголя, Афанасий Гоголь-Яновский, побывал, по воле биографов, в „старосветских помещиках“ типа Афанасия Ивановича, но он им не был: полковой канцелярист и писарь, он все время был „у письменных дел“, служил по выбору дворянства и, судя по оставшимся от него деловым письмам, был энергичный человек и делец. Афанасий Демьяныч подержал некоторое время своего сына в Полтавской семинарии, в которой Вас. Аф. выработал свой эпистолярный стиль, очень схожий с тем, каким Н. В. Гоголь писал свои письма к родителям из Нежинского лицея. Это — стиль преувеличенной почтительности, переходящей в подобострастие,—столь характерный для польского и украинского шляхетства.

„*Высокомилостивейшие родители мои*, батюшка и матушка, — начинает 14-летний В. Гоголь одно свое письмо, — во-первых, *приношу вам всенижайшее благодарение* за присланный мне гостинец, который в целости получил“, — а заканчивает post scriptum'ом: „*Всепокорнейше прошу* пошить мне куртку на лето и белые шаровары, да меду“ [2]). Письмо это, с чуть заметным понижением тона, могло бы быть написано Н. Гоголем из Нежина: этому тону эпистолярной выспренности и подобострастия, который неприятно поражает в его письмах к отцу и матери, в его отзывах о Трощинских, — обучали Гоголя и дома, и в Нежине: он был в духе и быте эпохи.

Ученье В. Гоголя шло плохо: он больше занимался гонянием „голубов“, чем семинарской премудростью, и отец его помышлял об устройстве сына то офицером в гвардию в Петербург, то расчитывал поместить в пансион при Московском университете. Но все это не удалось. В. А. Гоголь долгое время числился в звании „находящегося при малороссийском почтамте по делам сверх комплекта“. В этой должности В. А. получал чины, но не переступал порога почтамта, даже не

---

[1]) П. Е. Щеголев. „Отец Гоголя“. „Ист. Вестн.“, 1902 г. II, 659.

[2]) Там же, стр. 659. Курсив мой.

был в его списках, и только тогда, когда директором почтамта был назначен свойственник его, Д. П. Трощинский, он добился зачисления в списки, из'ясняя, что до того он „за приключившимися столь тягостными и продолжительными припадками проживал в доме для пользования себя". В 1805 г. он уволился, с чином коллежского асессора, и из этой „буколической" службы почтового чиновника, пребывавшего в вишневых садах Васильевки, вместо почтовой конторы.

Однако В. А. знал не только „буколическую", но и действительную службу: когда Трощинский был выбран в „поветовые маршалы" (предводитель дворянства), он взял В. А. к себе в секретари, а в 1812 г., по приказу того же Трощинского, В. А. заведывал собранными для ополчения деньгами. Почему опытный старый вельможа избрал на такие ответственные должности В. А., совершенно ясно: среди Шпекиных, Ноздревых и Собакевичей Миргородского уезда он знал Вас. Аф. за редко честного и делового человека. В. А. Гоголь был человек карамзинской эпохи. Он был хороший читатель, впечатлительный и отзывчивый на то, что приносили ему книги его времени.

Буколический почтмейстер, не знавший „гоголевского" города, он обладал как раз таким складом характера, на который современная ему литература действовала, как вода на колеса мельницы: он был в тоне и духе эпохи, как и литература его времени была в тоне и духе его личности. Каждое его письмо к невесте, каждая отметка в записной книжке — это не что иное, как старосветская, идущая из глубины вишневых садов, парафраза того, что писалось в столицах в романах и повестях карамзинской эпохи, которыми, кстати сказать, изобиловала библиотека Д. Трощинского, откуда пользовался книгами В. А. Гоголь [1]). Ему был близок „чувствительный" герой этих произведений. Благодарный читатель книги карамзинской эпохи, он сладкие периоды и чувствительные страницы переносил в жизнь, в свою старосветскую ограду.

Своей невесте он писал как какой-нибудь несчастный Эраст из томной повести второстепенного карамзиниста: „Ми-

---

[1]) См. каталог библиотеки Трощинского в прилож. к труду Г. И. Чудакова: „Отношение творчества Гоголя к западно-европейск. литературам". (Оттиск из „Киевск. университ. известий", стр. 148 — 84).

лая Машенька! Многие препятствия лишили меня счастия сей день быть у вас! Слабость моего здоровья наводит страшное воображение, и лютое отчаяние терзает мое сердце. Прощай, наилучший в свете друг! Прошу вас быть здоровой и не беспокоиться обо мне. Уверяю вас, что никто в свете не может столь сильно любить, сколько любит вас и почитает ваш вечно вернейший друг несчастный Василий. Я завтра еду и всячески буду поспешать, чтобы скорее увидеться с вами. Прошу вас не показывайте сего несчастного выражения страсти родителям вашим". „Наилучшему другу", Машеньке Косяровской, было в это время 13 лет; столь роковое и чувствительное прощание относилось к поездке в местечко, за десяток верст, а „несчастное выражение страсти", — письма своего жениха, — Машенька все показывала своим родителям и писала на них ответы под их диктовку. Несомненная связь этих „несчастных выражений страсти", писанных на толстой синей бумаге, с карамзинским периодом русской литературы была столь очевидна, что даже далекий от всякой литературы отец Машеньки, читая их, приговаривал, улыбаясь: „видно, что начитался романов".

С „романами" у В. А. связана и любовь к мечтательному и изысканному искусству садов. В своей записной книжке он отмечает из какого-то руководства к излюбленному XVIII веком „искусству сада": „Бакон, Мильтон и Аддисон установили вкус и дарование в аглицком садоводстве", — и перечисляет лучшие английские сады. Эти заметки — для скромной Васильевки: каждой аллее он давал особые сентиментальные названия, вроде „Долин спокойствия"; он составлял планы сада, сажал и подстригал деревья, устраивал искусственные гроты, сооружал мостики и беседки. „Будучи человеком мягким и уступчивым, он настоятельно требовал, чтобы никто не смел стуком разгонять соловьев, и не позволял поэтому мыть белье в пруду, находящемся в Васильевке посреди сада" [1]). Эту любовь к „сему изящному занятию" (выражение Н. В. Гоголя) он передал сыну. Н. В. Гоголь не только любил вспоминать отца за его эстетической работой в саду, но и сам, в редкие наезды свои в Васильевку, предавался такой же работе [2]).

---

[1]) Шенрок, I, 51.

[2]) „Я и теперь такой же, как прежде, жаркий охотник к саду... Я никогда не оставлю сего изящного занятия... Оно было любимым упражнением папеньки".—Письмо Н. Гоголя от 24/III 1827 г. Письма, I, стр. 69.

В 1854 г. И. С. Аксаков так описывал сад Гоголя: „Довольно большой, тенистый, в английском вкусе сад, чрезвычайно запущенный, идет от дома к большому пруду, поросшему камышами, не слишком широкому, но длинному, с двумя или тремя заворотами: это несколько прудов, соединенных вместе... На другой стороне пруда, через который перевозишься на плотике, устроенном по распоряжению Николая Васильевича, — разнообразные рощицы: дубовая, кленовая, липовая, березовая, уксусного дерева и пр. Тут Гоголь хотел устроить дорожки и заставил при себе вычистить и даже уже устроил дорожку кругом по рощам, затевал и другие затеи, беседки и пр.“ [1]). Вас. Афан. не только охранял свободу соловьиного пенья и устраивал сады: он тянулся иногда к чему-то вроде философических раздумий такого же характера: „Качества души, — выписывает он откуда-то в свою записную книжку. — Разумение. Простое понятие души, оно созерцает токмо сущность и вечные начала вещей. Мудрость размышляет не токмо о началах, из оных проистекающих: она заимствует нечто и от ума, который созерцает, и от знания, которое доказывает“, и т. д. — и заканчивает выпись утешительным N. B.: „из всех качеств души, — превосходнейшее есть мудрость, а полнейшее — благоразумие“ [2]).

Он встретил где-то слово „импровизатор“ и перевел для себя в записной книжке: „изустный рифмач“. Г. П. Данилевским сохранено предание, что во время прогулок В. А. Гоголь пытался сделать своего сына „изустным рифмачем“, заставляя его импровизировать стихами на заданные темы: „Солнце“, „Степь“, „Небеса“ и т. д. [3]). Вас. Афан. сочиняет сам легкие сатирические стишки на дворян и на купцов, но „ничего серьезного“ (выражение М. И. Гоголь). Словно для доказательства, что „ничего серьезного“ — не было в стихотворстве В. А-ча, М. И. Гоголь вспоминает „куплет“, который он „написал на бюро его изобретения за доской, когда принес его столяр, и то бюро подарил своему приятелю“:

---

[1]) „И. С. Аксаков в его письмах“, т. III, М. 1892 г., стр. 34—37.

[2]) Щеголев. „Отец Гоголя“. „И. В.“, 1902 г. II, 664.

[3]) Г. П. Данилевский. Полн. собр. соч., 8 изд., 1901 г., т. XIV, стр. 121.

„Одной природой наслаждаюсь,
Ничьим богатством не прельщаюсь,
Доволен я моей судьбой,
И вот девиз любимый мой“ [1]).

Вас. Афан. был приветливый, тихий, мягкодушный человек: был добр и чувствителен в семье; добр и попечителен к своим крепостным. Но ни в чем так ярко не проявилась его чувствительность, как в истории его женитьбы на М. И. Косяровской. История эта читается, как ненаписанный Гоголем пролог к повести об Афанасии Ивановиче и Пульхерии Ивановне. Если б Гоголь его писал, ему пришлось бы усилить идиллический и буколический элемент своей повести, и едва ли не пришлось бы ему приблизиться тут к методам и приемам писателей карамзинской школы.

„Четырнадцати лет,—повествует М. И. Гоголь, — меня выдали за доброго моего мужа“. В глазах как М. И-ны, так и самого В. А-ча, это не было случайностью: как в семейственном романе, с оттенком пиэтизма, в истории М. И-ны все произошло по указанию свыше: „ему указала меня царица небесная, во сне являясь ему. Он меня тогда увидал не имеющую году и узнал, когда нечаянно увидал меня в том же самом возрасте, и следил за мной во все возрасты моего детства“ [2]). Любитель литературы сказывался даже в том, как проводил время Вас. Афан. с своей невестой - девочкой. Почти через полвека, прочтя воспоминания С. Т. Аксакова, М. И. Гоголь писала ему: „Как живо напомнил мне один монолог в книге вашей из трагедии Озерова („Иди, душа, во ад“) моего мужа: мне казалось, как-будто он, выговоря его, падал предо мною, закалываясь: он представил его в кругу девок, окружающих меня. Я так испугалась, будучи 12 лет, что не знала, как очутилась на диване, ухаживаемая моими гостями, мне показалось, что он в самом деле заколол себя, а он испугался, чтобы я не заболела от испуга, и не мог уехать домой, не узнавши, что мое волнение прошло совершенно“ [3]).

---

[1]) „Из воспоминаний матери Гоголя“, „Современник“, 1913 г., № 4, стр. 251.

[2]) Н. М. (П. Кулиш). „Записки о жизни Гоголя“. СПБ., 1856 г., т. I, стр. 17 и след.

[3]) „Из воспом. матери Гоголя“, стр. 251.

Когда М. И. исполнилось 13 лет, Вас. Афан. начал писать ей письма, в которых свое подлинное чувство выражал языком карамзинских „Аонид“, и этому чувству, искреннему и прочному, как чувство Афанасия Ивановича к Пульхерии Ивановне, вполне ответило чувство 13-летней девочки.

„Я чувствовала к нему что-то особенное,—рассказывала через полвека М. И. Гоголь,—но оставалась спокойной. Когда я, бывало, гуляла с девушками к реке Пслу, то слышала приятную музыку из-за кустов другого берега.

Не трудно было догадаться, что это был он. Когда я приближалась, то музыка в разных направлениях сопутствовала мне до дому, скрываясь в садах. Один раз, не найдя меня дома, он пошел в сад. Увидя его, я задрожала как в лихорадке, и вернулась домой. Когда мы остались одни, он спросил меня, люблю ли я его; я отвечала, что люблю, как всех людей. Удивляюсь, как я могла так скрывать свои чувства на четырнадцатом году. Жених мой часто приезжал, а когда не мог приехать, то писал письма, которые я, не распечатывая, отдавала отцу. Письма были наполнены нежными выражениями, и отец диктовал мне ответы. Письма жениха я всегда носила с собой“.

Эти знакомые нам письма, так точно соответствовавшие литературному стилю эпохи, не менее точно соответствовали душевному укладу самой Мар. Ив. Она подходила к Вас. Афан. не менее, чем Пульхерия Ивановна к Афанасию Ивановичу, и ее характеристика в сущности излишня: она вся заключена в характеристике Василия Афанасьевича.

„Любовь ко мне мужа была неописанная, я была вполне счастлива. Он был старее меня на 13 лет. Я никуда не выезжала, находя все счастье дома“. Дома находил его и Вас. Аф.

Из впервые ниже печатаемого письма М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову, написанного в 1858 г. по прочтении „Детских годов Багрова-внука“, мы узнаем, что в это „счастье дома“ входило и тихое, мечтательное чтение вместе с мужем, — чтение, по выбору книги, до того типическое, что так и просится в историю карамзинского времени. „Как много знакомого я находила в вашем занимательном рассказе, от которого не могла оторваться до окончания его“, пишет М. И. Гоголь. „Читанные вами книги в том возрасте иные и мне были знакомы, „Кадма и Гармонию“ я читала 14 лет, вместе с моим

мужем, после венца моего с ним, но я не помнила, кем она была издана в свет, и из вашей книги узнала, я считала ее такой древностью, что почти допотопной, а она, видно, взята была моим мужем для прочету, и я ее по прочтении не видала у нас.

Она возбудила во мне какие-то чувства неземные, представляющиеся мне приятным сновидением — по наступлении долговременной моей жизни, наполненной более горестными испытаниями, чем приятно проведенными годами". „Кадм и Гармония", аллегорический роман Хераскова (1786 г.), читаемый вместе, после венца, — как дополняет это историю любви Вас. Афан. к Марье Ивановне! Не даром через полвека она вспомнила об этом чтении, как о далеком, невозвратном счастье.

В характере и личности самой Марьи Ивановны, столь схожих и соответственных характеру и личности ее мужа, было столько данных для „буколического счастья", что, как для Пульхерии Ивановны, оно было бы возможно для нее на всю жизнь, если бы не ранняя смерть Вас. Афан. (она пережила его на 43 года) и если бы не выпало на долю „старосветской помещицы" быть матерью самого загадочного, по судьбе и гению, русского писателя.

II.

Читатель книг и журналов карамзинской поры В. А. Гоголь был и писателем: он писал бытовые комедии на украинском языке.

Н. В. Гоголь воспользовался отрывками из них для эпиграфов „Сорочинской ярмарки" и даже выписывал их к себе в Петербург, мечтая добиться их постановки в театре [1]). Историки украинской литературы уделяют им не мало места в своих обзорах. Но в биографии Гоголя-отца комедии эти занимают такое же точно место, как хозяйственные поручения, которые он исполнял для вельможи в отставке Д. П. Трощинского: эти комедии — такие же заказные, обязательные „услуги" для „благодетеля", как добросовестно проведенная ревизия недобросовестного управителя. Биографы любили изобра-

---

[1]) Письма, I, 121 (письмо от 30/IV 1829 г.).

жать отношения Гоголя-отца к Трощинскому в виде отношений просвещенного ценителя искусств к талантливому писателю [1]). Кулиш даже называет имение Трощинского Кибинцы — „Афинами времен Гоголя-отца“ [2]), в которых, видно, Трощинскому принадлежала роль Перикла, а скромному Василию Афанасьевичу — Аристофана.

В действительности, не было ни кибинецких Афин, ни Трощинского — Перикла, ни В. Гоголя — Аристофана, а была огромная крепостная вотчина и великолепный дом с сотнями гостей, приживалов, музыкантов, шутов и холопов, в котором жил пресытившийся до скуки всем вельможа, бывший „в случае“ при Екатерине II и Александре I, — и этому вельможе приходился очень дальним свойственником васильевский помещик В. А. Гоголь-Яновский, который и старался услужить своему благодетелю всем, чем требовалось.

Творчество В. А. Гоголя было всецело заказное, и если не считать писем в стишках к знакомым, которые даже Мар. Иван. находила „несерьезными“, то он ничего не писал для себя, в силу собственной потребности творчества. Для скучающего вельможи понадобилось нечто взять и у крепостной народной массы — понадобилась народная „шутка и песня“: В. А. Гоголь сумел взять ее ровно столько, сколько было нужно для того времени, когда Трощинскому поднадоедали другие забавы. А забавы эти были разнообразны и характерны. Местные поэты прославляли фортуну Трощинского, прикровенно изображая в одах его „случай“ при Екатерине II и благополучное существование при Павле:

Лишь благом к царству ты дышал,
При Савской будучи царице:
За то Эол, кой все сражал,
Главу вознесши во столице,
Седые пощадил власы.

---

[1]) „Отец Гоголя был с Трощинским в самых приятельских отношениях, — утверждает П. А. Кулиш. — Так и должно было случиться неизбежно. Оригинальный ум и редкий дар слова, которым обладал сосед, были оценены вполне воспитанником высшего столичного круга. С своей стороны В. А. Гоголь не мог найти ни лучшего собеседника, как бывший министр, ни обширнейшего и более избранного круга слушателей“. [Кулиш. Биографич. очерк Гоголя в сборн: „Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко в Нежине“, изд. 2, СПБ, 1881, стр. 38].

[2]) Шенрок, писавший через 30 лет после Кулиша, не усомнился признать, что это название „справедливо и метко“ (Ш, I, 47).

. . . .

Свирепость буйну укротил
И над тобой остановился,
Не бог ветров — то был Зефир.

Одописец непонятливым давал тут же и об'яснения, почему свирепый „Эол“ — Павел, наследовавший „Савской царице“ — Екатерине, превратился в нежного „Зефира“ для Трощинского:

Он мудростью твоей пленился [1])...

Оды сменялись „певчими, поющими концерты“, „певчие“— пышными прогулками в сопровождении ждущей милостей свиты, прогулки — „бостоном“, „бостоны“ — рассматриванием коллекций табакерок, монет, медалей, старинного оружия, игрой на арфе, обедами, квартетами, балами. Балы обычные сменялись балами иного типа. „Того же дня, — пишет из Кибенец М. И. Гоголь своей приятельнице,—венчался повар Василий и в доме был бал: Дм. Прокоф. открыл оный с молодой, а я с молодым... Дм. Прокоф. очень много смеялся и, оборотясь ко мне, сказал: „можно ли на наших балах иметь столько удовольствий, как мы теперь имеем?“

„Особенно прославился крепостной музыкант и танцор „Сашка“. В балете он отличался чрезвычайно, и когда заиграла музыка его сочинения, над которой он трудился несколько дней и делал репетицию несколько раз, то он выскочил из бухвета с палочкой в руке, одет петиметром, и вдруг пал на колени перед Орькой, делал разные странности, поднимался и опять падал, и кончилось тем, что он увел ее, при необыкновенном звуке музыки, из столовой, сопровождаем аплодированием. После начались обыкновенные танцы; Дм. Прокоф. велел людям танцовать мазурку, и они танцовали ее в „карыкатурном виде“.

Но и эти „карыкатурные“ балы холопов прискучивали. Отменялось веселье. Наступал пост. „В продолжение всей четыредесятницы подавалось постное кушанье; а на первой неделе оной Дмит. Прокоф. сам иногда читывал канон Андрея Критского, причем служба продолжалась около четырех часов,

---

[1]) [И. Ореус]. „Д. П. Трощинский“. „Р. С.“, 1882 г., VI, 663.

и присутствующим приходилось класть более сотни земных поклонов“ [1]).

Но в иные дни старый вельможа смотрел на своих присных с особой угрюмостью и скукой. Тогда из окружающей свиты выделялись „шутодразнители“ и принимались дразнить шутов, составлявших непременную принадлежность украинских „Афин“ — дразнили заслуженного шута „Романа Ивановича“, которому Н. В. Гоголь просил передать поклон в одном из писем к матери [2]), дразнили и состоявшего в шутах „жалкого, отставленного вследствие умопомешательства, заштатного священника отца Варфоломея“ [3]).

И недавний чтец покаянного канона, Перикл своих Афин, участвовал в омерзительной сцене, всегда одной и той же: „Глумясь над жадностью его (священника-шута) к деньгам, между ним и Трощинским, садившимся нарочно возле шута, потихоньку подвигали ассигнацию и наблюдали, как, не будучи в состоянии устоять против соблазна, шут, наконец, ее схватывал и собирался уже ею завладеть, как вдруг, остановленный в своем намерении бесцеремонным толчком и бранным словом Трощинского, невозмутимо повторял двусмысленное: „а нехай се вам“.

Комедиям Гоголя-отца было свое место в ряду этих развлечений Трощинского.

Не один небогатый В. А. Гоголь считал обязанностью увеселять вельможу театром. М. И. Гоголь сохранила воспоминание, что этим не пренебрегал и несравненно более важный В. В. Капнист, автор обличительной „Ябеды“, — вместе с дочерью представлял он перед Трощинским „Филимона и Бавкиду“ — „и когда спадывала с них изорванная одежда, то они в новом своем виде подходили к Трощинскому с приличными приветствиями в стихах“.

Капнист, старый заслуженный писатель, подобно Гоголю-отцу, сочинял комедии для Трощинского, и их играли „дворовые люди довольно хорошо, но больше были благородные актеры“. М. И. Гоголь, почти через полвека, вспоминает с особым удовольствием и о собственном участии в увеселениях

---

1) [И. Ореус.] „Д. П. Трощинский“, „Р. С.“, 1882 г., VI, стр. 659 и 662.

2) Письма, I, стр. 93.

3) Рассказ друга Гоголя, А. С. Данилевского. Шенрок I, 69—70 стр.

вельможи: „Когда подавали Дм. Пр. афишку о действующих лицах, то он с восторгом брал свой лорнет и, найдя мое имя, был всегда доволен, потому что Василий Васильевич (Капнист), сидя возле него, говорил ему о каждом нашем движении“ [1]).

В сознании В. А. Гоголя и всей его семьи Трощинский был „благодетель“, к которому должно „ласкаться“ (выражение М. И. Гоголь). „Благодетель“—это тот, кто на социальной лестнице стоит выше данного лица: „благоприятель“—тот, кто равен этому лицу; а для тех, кто ниже, само это лицо, в свою очередь, является „благодетелем“. Трощинский, с этой точки зрения, мог почитаться „благодетелем“ для всей округи помещиков, и В. А. Гоголь хорошо это выразил, когда от лица всех помещиков обращался к нему в докладе с просьбою: „Великое-бы было для нас благодеяние, если-бы доставили, чтобы с предержателей беглых крестьян взыскался штраф в казну и строжайший-бы о сем последовал указ; ибо у нас под час рекрутских наборов все молодые люди убегают в Константиноградский повет и в Екатеринославскую губ. и передерживают таможню, через что принуждены мы отдавать в рекруты отцов семейства, а наипаче в нынешний набор, в который ужасно как бракуют“ [2]).

В семье Гоголей был, общий со всей округой, тон отношения к „благодетелю“. Юноша Гоголь хорошо его усвоил: даже заочно, в письмах к матери, он титулует Трощинского „высокопревосходительством“. Трощинского ждут в Васильевку,— и Гоголь из Нежина просит мать: „Уведомьте, когда его превосходительство Дмитрий Прокофьевич будет у нас, что он там найдет хорошего, что ему понравится. Мне с нетерпением хочется знать мнение великого человека, даже о самых маловажностях. Сделайте милость, маменька, не пропустите ничего большое вы дадите мне удовольствие“ [3]).

„Писали вы, — пишет Гоголь в другом письме, — чтобы я прислал его высокопревосходительству какое-нибудь сочинение, ...но, поднесши какую-нибудь эфемерную мелочь, я мало принесу себе пользы и мало хорошего дам о себе мнения,

---

[1]) „Из воспоминаний матери Гоголя“, „Современник“, 1913 г., № 4, стр. 250,

[2]) Шенрок, I, 379 стр.

[3]) Письма, I, стр. 46.

решился, что лучше приготовить себя к занятиям гораздо важнейшим и сделать что-нибудь достойное внимания просвещенного вельможи, благодетеля Малороссии" [1]).

Эти письма Гоголя-сына с буколической простотой отводят нас от всякой „буколики", какую биографы видели в отношениях В. А. Гоголя и его семьи к Трощинскому. Гоголь-сын готовится повторять отца в его отношении к „благодетелю": так социологически крепко были обусловлены эти отношения всем укладом помещичьей жизни Гоголей и их соседей.

Лично же какую привязанность мог питать юноша Гоголь к старому вельможе, когда, по словам А. С. Данилевского, при многократных наездах их с Гоголем в Кибинцы, „Трощинский едва ли промолвил с ними даже слово"? [2]).

Увеселять вельможу — было лишь самым незначительным из числа тех дел, которые В. А. Гоголь считал нужным делать для „благодетеля": помещик 6000 душ крестьян, владевший 70 тысячами десятин земли, обладавший движимостью на миллион рублей [3]), Трощинский и его наследник, двоюродный брат М. И. Гоголь, генерал А. А. Трощинский, нуждались в доверенном человеке, на честность и деловитость которого могли бы положиться.

Судя по письмам к В. А. Гоголю А. А. Трощинского и разных лиц, так или иначе прикосновенных к делам Д. П. Трощинского, В. А. Гоголь был именно таким человеком. В бумагах Гоголя-отца сохранялась переданная ему Трощинским жалоба на его действия одного управителя, уволенного от должности по настоянию Гоголя-отца. Уволенный управитель не находит слов, чтоб излить свое негодование на В. А: „Безбожный г-н Яновский, профессор лжи, очернил меня и мою честную семилетнюю и девятидневную в экономии его превосходительства Д. П. Трощинского службу. Пусть чернит. Десница всевидящего бога очернит и его в свое время. Я сказал уже, что не только к г-ну Яновскому писать не буду, но и видеть его, — сохрани меня бог, — не хочу. Лучше посмотреть на паршивую в поле лежащую собаку, нежели на него [4]).

---

[1]) Письма, I, стр. 51.
[2]) Шенрок, I, стр. 48.
[3]) (И. Ореус). „Д. П. Трощинский", стр. 656.
[4]) Щеголев. „Отец Гоголя", стр. 602.

Подобное письмо делает понятным, почему Трощинский хлопотал о бесплатном обучении „Никоши“ в Нежинском лицее, почему ссужал взаймы М. И. Гоголь, почему осчастливливал своими приездами скромную Васильевку и т. д.: все благодеяния „благодетеля“ были маленькой платой за существенные деловые „услуги“, которые оказывал ему „бедный родственник“, не в скромной области „украинского театра“, а в той существенной области, от которой зависело самое существование кибинецких „Афин“ с их театром, оркестром и шутами. Но получать в Кибинцах плату за услуги было не легко „бедным родственникам“. Не всегда приятно было им там и обитать. Очень характерен эпизод, который впервые становится известным из печатаемой ниже переписки В. А. и М. И. Гоголь-Яновских в начале 1825 г.

Уехав из дома лечиться и испугавшись, что в доме, в Васильевке, зараза, В. А. Гоголь советует жене переехать с детьми на время в Кибинцы, где много помещений. М. И. Гоголь наотрез отказывается от этого: „Там невыгодно со всеми детьми,—пишет она,— ведь это не шутка подняться с такой обузой и надобно, по крайней мере, мне рублей сто, чтобы обмундировать прилично в таком доме кормилицу, когда бог даст, то и другую, а дома их одеяние мне ничего не стоит:—посмешищем же людей я никак не хочу быть, да еще тогда, как все говорят и думают, что мы богаты, а от скупости не хотим ничего иметь, и не знают нашей, иногда крайней нужды“.

После же смерти В. А., когда услуги „благодетелю“ прекратились, а от „благодетеля“ приходилось более прежнего ждать „благодеяний“, бывать в Кибинцах стало еще тяжелее. „Мне казалось, что ужасная зависть окружает меня“,—жалуется М. И. брату после одного такого пребывания ее в Кибинцах [1]).

Идиллический человек, старосветский карамзинец, В. А. Гоголь неожиданно оказывается деловым человеком, которого ценит, именно за деловитость, видавший всякие виды богач Трощинский,—и широкие сношения Гоголя-отца с окружающими помещиками и чиновниками оказываются сношениями делового характера, всецело укладывающимися в социологические схемы отношений между „благодетелем“, „благоприятелем“ и „благодетельствуемыми“.

---

[1]) Шенрок, I, стр. 67.

„Monitor 1817“, на синей бумаге, собственность „Basilii Janovsky“, раз‘яснит нам несколько эту неожиданность. Мы вычитывали из него до сих пор философические раздумья да выписки об английских садах, нечто буколическое: теперь, рядом, как непосредственное его продолжение, найдем и нечто прозаическое: „1817 г. Декабрь: должно заплатить в Полтаве: 1) в казначействе подушные деньги за 2-ю сего года половину, 2) портному Белухину за пошитье сюртука и 3) сапожнику Власу за сапоги. На сие взять деньги от г. полк. Ал. Фед. Ляховича, следуемые за него за корову. N. B. Не забыть справиться в Полтавской казенной палате за перевод Гернеровых людей за Орловых людей, записаны-ли они в ревизии. Попросить полк. Лях. за сына Катарева о помещении его в полк“. Эти деловые заметки сменяются другими—подробными записями о том, что Василию Афанасьевичу нужно сделать по имениям Трощинского, по деловым поручениям других соседей помещиков, а на следующих страницах начинаются новые записи, уже относящиеся к собственному хозяйству. И только после ряда таких страниц, и отдаленно не напоминающих автора украинских комедий, встречается в „Monitor’e“ буколическая запись о „качествах души“, „полнейшим“ из которых оказывается, однако, в согласии с предыдущими страницами, „благоразумие“.

Случайно уцелевшая предсмертная переписка В. А. Гоголь-Яновскаго с женой открывает нам уже с полнотою хозяйственную деятельность Гоголя-отца и, изучая эту деловую переписку „старосветских помещиков“, мы начинаем понимать, почему богатый магнат Трощинский ценил деловые услуги скромного буколического помещика Гоголь-Яновскаго.

III.

В. А. Гоголь был слабого здоровья; у него был, не разгаданный врачами, туберкулез. В 1825 году болезнь обострилась настолько, что потребовалось серьезное лечение.

„Муж мой болел в продолжение четырех лет,—вспоминает М. И. Гоголь,—и когда пошла кровь горлом, он поехал в Кибинцы, чтобы посоветоваться с докторами. Я была тогда на последнем месяце беременности и не могла ехать с ним. Ему очень не хотелось уезжать, и, прощаясь со мной, он сказал, что, может быть, без меня придется умереть, но потом сам

испугался и прибавил: „может, долго там пробуду, но постараюсь скорее вернуться“. Я получала от него часто письма; он все беспокоился обо мне.

Я не знала, что жизнь его была в опасности и далека была от мысли потерять его“ [1]).

Первое письмо, полученное М. И. от мужа, поехавшего лечиться, относится к самому началу марта 1825 г.; последнее письмо М. И. к В. А. написано числа 15—16 марта, а 23-го апреля Н. В. Гоголь из Нежина уже утешал мать в смерти отца [2]). В. А. скончался, несомненно, во второй половине марта. До нас дошло 4 письма Вас. Афан. и 5 писем Марьи Ивановны, писанных за промежуток в две с половиной—три недели, протекший от выезда его из дома и до смерти. Можно предполагать, что не дошло до нас не более одного письма Вас. Афан.

Вас. Афан. „не хотелось уезжать“, он боялся, что „придется умереть“ без любимой жены,—и его письма полны трогательной заботы о здоровье и благополучии жены и детей, заботы, не лишенной даже оттенка мнительности, присущей характерам и В. А. и М. И. и переданной ими их сыну.

Сам больной и обреченный смерти, он издали пытается лечить свою „Белянку“ [3]) каким-то „грудным чаем“, и Мария Ивановна пьет, хотя чай не помогает.

Он зовет ее в Кибинцы, где временно остановился отдохнуть по дороге к доктору. Марья Ивановна отказывается по экономическим соображениям.

Он не противится ей, но не может не заметить с грустью: „мне очень жаль, что ты не соглашаешься выехать из дома с детьми... О, как бы мы были щастливы вместе!“ Последняя фраза звучит так, как будто не прошло семнадцати лет их брака, и он все еще—жених, тоскующий по невесте.

Но и Марья Ивановна отвечает ему с той же свежестью чувства, как-будто она не была уже матерью одиннадцати человек детей, ожидая двенадцатого: „Пора кончить, никак не могу к тебе мало писать: лишена счастья быть с тобой вместе, то воображаю, что разговариваю с тобою, и ни на одну секунду

---

[1]) Шенрок, I, стр. 54.

[2]) Письма, I, стр. 26.

[3]) Семейное прозвище Марьи Ивановны за необыкновенно белый и нежный цвет ее лица.

не останавливаюсь подумать, и потому-то так нескладно и пишу“.

Недуг В. Афан. увеличивается: уже не по-карамзински, а по-реальному звучит подпись его под предпоследним письмом: „твой верный друг, нещастный страдалец В. Яновский“, а он не знает, чем бы еще порадовать свою „Белянку“ — и шлет ей яблок для печенья от кашля. М. И. отвечает нежными заботами своему „вернейшему другу“. „Усердно благодарю тебя, милый друг, за яблоки, — пишет она в последнем письме:—они теперь так редки, что ты-бы поберег лучше их для себя“,—и прощается с ним с такою любовью, как-будто знает, что это прощанье будет последним: „До свиданья, мой единственный друг. Целую тебя мысленно бессчетно раз и остаюсь неизменным твоим другом. Твоя Маня“.

Письма отца и матери Гоголя трогательны в своей обыденности: за ними семнадцать лет неподдельного, немудренного „старосветского счастья“. Но из цепи этой нежной заботливости друг о друге нужно выделить одно звено, чтобы понять содержание многих других страниц этих писем, — серых, будничных, деловых страниц.

Получив от мужа известие, что он остановился в Лубнах и начал лечиться у тамошнего доктора, М. И. пишет ему: „Я очень рада, что лечишься у Федора Прокофьевича, и надеюсь на бога, что он тебя вылечит совершенно. О расходе же на сие лечение не должно жалеть. Деньги—нажитое дело. а здоровье — драгоценное сокровище, дороже всего на свете: ты это больше всех чувствуешь, мой милый друг“.

Эта фраза была, вероятно, большим утешением для В. А.: он отлично знал цену той любви, с которой она написана, потому что не менее хорошо знал, что лечиться ему — значило для Марьи Ивановны добывать денег на лечение, а добывать денег,—не продуктов, не вишен, горелки, живности—всего того, чего так много было в Васильевке и что так аппетитно описывается в „Вечерах на хуторе“,—а именно денег,—представлялось делом самым трудным в их хозяйстве. И все основное содержание писем Гоголь-Яновских и для нас самих все самое ценное в них и заключается в том, что эти письма открывают уголок крепостного хозяйства 20-х гг. на Украине, с его треволнениями, среди которых вырос Н. В. Гоголь.

Эти скучные, повидимому, грубые страницы, наполненные хозяйственными расчетами и наставлениями, на самом деле помогают очень многое уразуметь в до сих пор во многом загадочной биографии великого сына этих старосветских помещиков.

Гоголь-отец должен был внезапно покинуть Васильевку в самое горячее для хозяйства время, в самом начале весны, когда начинается хозяйственный год, когда в Васильевке должна открыться ярмарка, внешняя картина которой хорошо нам известна по первой повести Гоголя-сына. От правильного начала хозяйственного года зависела правильность дальнейшего его течения, от успеха ярмарки, которая была перед Пасхой, зависело, будут ли на ближайшее, самое трудное, время деньги в хозяйстве Гоголь-Яновских, а эти деньги надобились не только для дома и уплаты податей в казну, но и для того, чтобы их послать в Лубны В. А. Гоголю на лечение, в Нежин, Н. В. Гоголю, на уплату портному, на полотно, на книги [1]).

Вот почему В. А., оторванный болезнью от хозяйства, так внимательно входит в обсуждение малейших деталей устройства ярмарки в Васильевке, а полная тревоги за него М. И. не менее детально и обстоятельно исполняет все его предписания и дает ему во всем отчет. Их письма представляются деловыми страницами из жизни старосветских помещиков. Буколические страницы той же жизни мы знаем, деловые—нам должно знать.

В. А. Гоголь был, вопреки мнению многих биографов, недурным хозяином. Мы знаем это по фактической и деловой оценке Трощинского и его наследника. Но сами биографы, настаивающие на том, что Вас. Афан. „не имел никакого призвания к хозяйству“ и „не приобрел в этой области выдающейся опытности и познаний“ [2]), вынуждены говорить противное этим утверждениям, внушенным, конечно, желанием повысить отца Гоголя в культурном ранге—из „помещика“ произвести в „писатели“, хоть и не „воспитавшие“своего таланта [3]).

Тот же Шенрок, со слов А. В. Гоголь и А. С. Данилевского, пишет: „Весьма полезною оказалась учрежденная

---

[1]) Письма, I, стр. 24—25.

[2]) Шенрок, I, 50 стр.

[3]) Выражение Шенрока, I, стр. 50.

в деревне ярмарка, собирающаяся доныне по четыре раза в год в сроки, чрезвычайно удачно выбранные и установленные Вас. Афан."[1]). Иначе говоря, „не приобретший выдающейся опытности в хозяйстве", Гоголь-отец оказался превосходным хозяином: он не только учредил в своем имении ярмарку, открывающуюся четырежды в году, но сумел так деловито, с пониманием местных экономических условий, выбрать для нее сроки, что как сама ярмарка, так и ее сроки дожили до 80-х годов XIX столетия.

Впоследствии Н. В. Гоголь хорошо, — может быть, даже преувеличенно, — оценил значение ярмарки, заведенной его отцом: „В год четыре ярмарки,—пишет он товарищу и соседу А. С. Данилевскому, — из которых скотная, в марте, одна из важнейших в нашей губернии. Все средства для сбыта, купцы платят мужикам за наем загонов, хлевов и ночлегов, не говоря уже о мелочах за доски, за лес для постройки, и, наконец, за все потребности, которые рождает стечение народа. Все это, не говоря уже о выгодах экономических и удобстве сдавать на месте хозяйственные произведения, доставляет возможность крестьянину быть более самостоятельным, нежели в другом месте" [2]).

Понятно, что учредитель ярмарки, вынужденный уехать от весеннего торжища, Вас. Афан. усиленно заботится в письмах к жене об ее устройстве. В первом же письме он отдает ряд приказаний по хозяйству, разумно и деловито предусматривающих все мелочи и не мелочи: надо „беречь плотину на случай наводнения", надо „на прудах открыть духи (проруби), чтобы не задохлась рыба" в случае теплой погоды, и если найдется время, свободное от других работ, надо приказать людям ловить рыбу в прудах, причем точно определяется, „какую рыбу ловить, какую нет"; „как скоро откроется весна и налетят в яворовую рощу гайвороны", надо послать туда людей с ружьями и приказать им выгнать из рощи „гайворонов" и т. д., и т. д.

Это все работы по дому, они необходимы, но они не принесут денег.

Для денег нужно, не дожидаясь открытия своей ярмарки, до которой осталось несколько дней, послать в соседнее

---

[1]) Там же, стр. 63.

[2]) Письма, II, стр. 22—23.

местечко на ярмарку „продавать всех волов бракованных и продать всенепременно, за чтобы ни случилось“: так нужны деньги, тем более, что „в Миргороде скот ни по чем“.

Но главное — нужно готовиться к своей, васильевской ярмарке, и тут заботливый хозяин старается предусмотреть все, чтобы торг вышел прибылен: надо послать за сукнами, надо доставить из Яресек „горелку“ на продажу, надо устроить ятку, нужно назначить „загоны“ для найма „москалям“ и т. д., и т. д. Нужно готовить на продажу молодых быков, а для этого их сперва необходимо „подобрать по шерстям и по росту попарно“, быкам назначается и цена, с определением ее минимума и максимума.

Денег в хозяйстве нет, а в них крайняя надобность: нужно платить подушные казне, а для этого нужно собрать деньги с должников: „получивши от Цуревского деньги, тотчас отправить в Полтаву подушные“,—этим энергичным наказом заканчивается первое письмо В. А—ча.

М. И. спешит дать отчет в исполнении поручений и прежде всего торопится сообщить, получены ли деньги: „сейчас возвратились наши люди с ярмарки (с чужой) и продали семь быков: шесть по 40 руб., а за одного больного—30 руб., итого всех 270 рублей“. Деньги за продажу получены от покупщика брянского купца „карбованцами“ — они неудобны для обращения, предстоит забота их разменять: купец обещает, что, повидавшись с Вас. Афан., „может, сколько-нибудь разменяет и бумажек“.

Денег все-таки мало. На счастье, Васильевский „приказчик просит, чтобы для него уступил пару (волов), каких он выберет из молодых волов и какую для него назначишь цену“.

Это все предвидено Вас. Афан.: цена назначена еще до опроса приказчика: „лучше—48, а хуже 28“. Такую цену приказчик находит слишком высокой, и Мар. Иван. склонна ему уступить. Она приводит мужу соображение, которое показывает, что она хорошо понимает экономические условия натурального хозяйства и значение в нем денег. Денег в хозяйстве нет, и выгодно, если деньги можно заменить продуктами хозяйства.

„Мне бы казалось, — пишет М. И., — и хорошо, чтобы он брал быков в число своего жалованья, так как теперь на деньги так трудно“.

Это тем более хорошо, что от соседа-помещика деньги, назначенные на взнос подушных, еще не получены: у него также нет денег, и, чтобы их добыть, он поехал в Полтаву продавать хлеб. Сделать это нелегко; продавцов хлеба больше, чем покупателей; цены на хлеб низки; всем также нужны деньги, как васильевским помещикам, потому что все живут в совершенно одинаковых экономических условиях, все в одном и том же круговороте натурального хозяйства.

Ярмарка в Васильевке, наконец, открылась. „Приехали три хозяина скотинщика“, сообщает тотчас же М. И. мужу, и с тревогой замечает: „но брянских еще нет“—нет самых денежных, дальних покупателей.

Идет продажа, тщательно описываемая М. И—ной. „Итак, у меня уже твоих денег 380 руб.“, с радостью сообщает она мужу. Есть и еще приятная новость: „подушные отвезли и отдали до сроку за три дня. Цуревский отдал 60 руб.“. Но получить эти небольшие деньги с того, кто сам в это время нуждался в них не менее Яновских и по одинаковым с ними причинам, было нелегко: „приказчик всякой день посылал к нему и так его загонял, что он бросался в Полтаву, в Решетиловку и в Будещи с хлебом и внес наконец“. В этом эпизоде получения денег хорошо отражена одна из типичнейших особенностей натурального хозяйства: перегруженность рынка однотипным товаром и чрезвычайно малая его емкость.

Вас. Афан. требует аккуратности в делах, той самой, которую ценил в нем Трощинский, и потому М. И. не только сообщает ему, что „Артем заплатил 56 руб.“ подушных, но и добавляет: „и квитанцию привез“. В. А—ч заботится, хватит ли горелки на ярмарочную продажу,—М. И. успокаивает его: „горелки у нас 3 бочки дома; говорят, будет на ярмарку“.

Следующее письмо В. А. пишет, не дождавшись успокоительного ответа М. И—ны: оно все полно заботами о ярмарке и деньгах; он едва упоминает об „ужасных припадках“, которые его мучают и скоро сведут в могилу. Нужны деньги и деньги; они так нужны, что хоть коровам положена цена „по 40 рублей, но, по нужде, можно будет уступить и дешевле“; нужно собирать „подушные деньги с людей по прошлогодней раскладке со штрафными“.

Он согласен, чтоб приказчик в счет жалованья оставил себе волов, но зоркий хозяин приказывает приказчику: „не

брать их до моего приезду и личного осмотру — я сам ему назначу цену; ежели он продаст прочих хорошо, то уступлю ему дешевле“. Нужно всех волов, какие назначены в Васильевке на продажу, точно распределить: на какой ярмарке каких продать: „отнюдь не всех разом“ продавать, „а взять сначала худших 2 пары; когда продадутся, тогда еще 2 пары и так далее—всех же на ярмарку отнюдь не выгонять и никому не показывать лучших, пока не продадутся худшие“. Но не одних волов надо стараться продать на ярмарке: „не худо, если бы удалось продать на ярмарке хоть немного сена, рыбы и проса“. И над всеми этими заботами господствует просьба: „бога ради старайтесь собирать деньги, ибо мне здесь много надобно“.

Следующее письмо М. И. должно было опечалить В. А—ча: „ярмарка была хуже всех раз“. В об‘яснение неудачи ярмарки М. И. приводит причину, столь обычную для бездорожной, утопавшей в грязи николаевской России; из-за весенней ростепели на ярмарку невозможно было проехать даже из ближайших мест. Васильевка оказалась отрезанной от всего мира: „не могли никто проехать через Голтву“, сообщает М. И.; „с большим трудом переехали, кому необходимость была. С Яресек (ближайшего местечка) даже никто не был, и жидов не было... Сколько теперь у нас на балках воды— так это ужас! Топятся бедные люди с ярманки да переезжают. Батюшкины люди (отца М. И., И. М. Косяровского) приводили скот продавать и отсюдова в хутор никак переехать не могут через балки“.

Из-за отсутствия покупателей, задержанных водопольем, цены на ярмарки пали, и скот приходилось отдавать не по ожидавшейся цене. „За коровы больше не дают, как по тридцати рублей,—с горестью сообщает Марья Ивановна,—а говорят, что ярмарка совсем раз‘езжается“. Но и по этой цене, оказывается, продать их нельзя; „сейчас приходили ко мне скотинщики торговаться за коровы, чтобы я что-нибудь из 30 рублей упустила и на серебро, — так я им сказала, что не хочу и слышать, а, когда хотят, из сорока что-нибудь можно выпустить с тем, чтобы хотя половина была бумажек, и с тем они и ушли от меня“. Продажа не состоялась.

Не удалось продать на ярмарке и рыбу: „ни одной не поймали, вся в вершины ушла“.

Эти известия о неудаче ярмарки, которые доставлялись В. А—чу с верховым, хорошо оправдывают благоразумие М. И., почему она, боясь денежных непосильных трат, не хотела переезжать в пышные Кибинцы, а также хорошо об'ясняют и скромность требования Вас. Афан. — прислать ему в Лубны „барашка и сливочного масла самый маленький горшочек, да денег серебром рублей 20“.

Ровно столько и послала ему М. И., и понятно, с какой любовью к ней В. А., после ее подробного отчета о неудаче ярмарки, должен был читать ее любящие строки о том, что „о расходе на лечение не должен жалеть“, а его „здоровье—дрогоценное сокровище—дороже всего на свете“.

Дошедший до нас кусок семейной переписки Гоголь-Яновских дает верное представление о буднях этой „старосветской жизни“. Эти будни были такими не только в 1825 г.: они были такими всегда; такими они были, например, и в 1822 г.: в дошедшем до нас письме, исполненном радости по случаю рождения дочери, Вас. Афан. так же, как в предсмертных, не упускает дать наказ жене, лежащей на постели: „Сена нам надо оставить пять скирдов и стог, последнее продадим на своей ярманке“.

Буколика и экономика в старосветских письмах, как и в старосветской жизни, тесно переплетены, и последней в них отводится больше места, чем первой.

IV.

Внимательным читателям отроческих и юношеских писем Н. В. Гоголя к родителям из Нежина и Петербурга не может не броситься в глаза постоянный мотив, без которого обходится редкое письмо.

Почти без всяких вариаций, он звучит так: „Ежели бы вы прислали денег мне, потому что моя казна вся истощилась“... И через несколько строк вновь: „И прошу вас, пожалуйста, пришлите мне денег, хоть рублей десять: то я отдам ему (товарищу) восемь рублей, а два рубля оставлю на письма. Еще прошу вас, пришлите мне тулуп“... (письмо от 7-го января 1822 г.).

Через несколько дней просьба повторяется усиленнее: „Книги пришлю по первой почте, как скоро пришлете мне

деньги, потому (что) нечем будет заплатить за почту. Я и теперь позычил [1]) денег немного за письмо это, которое я к вам пишу; а потому прошу вас покорнейше прислать мне оных денег". К письму приписка: „А вы, дражайшая маменька, не позабудьте мне прислать припасов, которых вы обещались"...[2]).

Через два года мотив остается неизменным: „Да еще пришлите, пожалуйста, деньги портному, который мне каждый день надоедает. Вы не поверите, как страшно иметь заимодавца. Я ему должен за шитье сюртука 10 рублей. Также, если можно, прислать мне сколько-нибудь на праздники. Не худо бы было и провианту" [3]).

По различию тона, с каким Гоголь просит денег и продуктов, заметно, что просьбы продуктов удовлетворялись легко и скоро—и Гоголю для просьбы достаточно маленькой фразы; наоборот, просьбы денег удовлетворялись туго, с большими задержками, и Гоголю приходилось подробно из'яснять и повторять, на что и как неотложно нужны ему просимые деньги: и потребы, им выставляемые, представляются основательными: плата за добавочные уроки, уплата портному, отдача долга и т. д.

В Нежине Гоголь постоянно нуждался в деньгах. Мы можем не вполне доверять самому отроку и юноше — Гоголю, когда он пишет о своей нужде, но вот что пишет В. А—у надзиратель лицея, присматривающий за Гоголем, аккуратный немец Зельднер:

„Еще сын ваш нуждается деньгами, и я ему уже несколько давал по его просьбе. Он говорит, что повар ваш ему препорученные деньги почти на дороге издерживал. Я ему еще дам, когда нужно будет" [4]).

Очевидно, из дома Гоголю так мало дано было денег, что их хватило только на дорожные расходы, и в Нежине Гоголь очутился без денег.

Самая плата в лицей за Гоголя, всего 1000 рублей асс. в год, была непосильна для Вас. Афан., и он принял „подарок" „благодетеля" Трощинского—право на бесплатное обучение сына.

---

[1]) Занял.

[2]) Письма, I, стр. 14—15.

[3]) Там же, стр. 24.

[4]) Щеголев. „Школьные годы Гоголя". „И. В.", 1902 г., II, стр. 521.

Со смертью отца (1825 г.) Гоголю приходилось обращаться с просьбою о деньгах к матери,—и деньги из Васильевки получаются также туго [1]).

Незадолго перед окончанием лицея Гоголь благодарит мать за присылку денег и сообщает ей, что „за Шиллера, которого я выписал из Лемберга, дал я 40 рублей" [2]). Трату эту,—как и многие другие в таком роде,—М. И. нашла непозволительной и жаловалась А. Трощинскому: „он (Гоголь) признавался мне, что когда он начитает о новой книжке, то дрожит, как бы ее выписать скорее, и за это получил от меня реприманд. Я называю сию охоту страстию, хотя она и не постыдна, как карточная, но тоже может разорять. Теперь он уверяет меня, что от всего отказался, видя недостаточное свое положение" [3]). За этот „реприманд" М. И. со временем получит „реприманд" от биографов Гоголя: ее обвинят в скупости, в нежелании удовлетворять законные потребности будущего писателя, но, судя по имеющемуся материалу, Гоголю не раз приходилось получать от матери „реприманды" по такому же поводу, т.-е. из-за нерасчетливой траты денег.

Иногда добрую и доверчивую Марью Ивановну охватывали даже подозрения, не идут ли деньги, посылаемые сыну, на нечто предосудительное и оттого так скоро надобятся. И Гоголю приходилось и из Нежина (письмо от 2 октября 1827 г.), и из Петербурга (письма от 24 сентября и 12 ноября 1829 г.) оправдываться перед матерью в том, что деньги он тратит не на „предосудительное", и доказывать, что неверно, будто „довольно нерасчетливо живет или, по крайней мере, жил прежде [4])".

В течение первых двух-трех лет своего пребывания в Петербурге Гоголь постоянно просит регулярных присылок денег из дома; уже поступив на службу и напечатав первое произведение, он запрашивает мать: „в состоянии ли вы выдавать мне в месяц каждый по 100 рублей? [5])" Это, в глазах Гоголя,

---

[1]) „Теперь он получает 70 руб. в год, полагая к каждому празднику и к масляной по 10 р.", пишет М. И. Гоголь А. А. Трощинскому. ([Ореус.] „Д. П. Трощинский". „Р. С.", 1882 г., VI, стр. 674).

[2]) Письма, I, стр. 69.

[3]) [Ореус]. „Д. П. Трощинский". „Р. С.", 1882 г., VI, стр. 676.

[4]) Письма, I, стр. 139.

[5]) Письма, I, стр. 149.

крайне подробно мотивированный минимум, на который он может сносно жить в Петербурге,—и мать не в состоянии высылать ему этой суммы. Она уверяет сына, что „многие, приехав в Петербург, сначала не имевшие ничего, жившие одним жалованием, приобрели впоследствии довольно значительное состояние, единственно стараниями и прилежаниями по службе“ [1]). „Никоша мой служит в Мин. Вн. Дел. Андрей Андреевич, по милости своей, поддерживает его там, а я не в состоянии теперь послать ему ничего“, пишет М. И. двоюродному брату [2]). „Этим благодеянием,—сообщает она ему же в другом письме,—он (Трощинский) совершенно оживил меня, и я не знаю, как уже его благодарить, так душа полна“; благодарность понятна, иначе „теперь я должна бы была продать за бесценок все имение, чтобы его (Гоголя) содержать в Петербурге. Мы ужасную от холода терпим нужду, и я весною хочу еще занять денег и во что бы то ни стало буду оканчивать дом, терпения моего недостает, пропадает здоровье у меня и у детей в сем домике“ [3]).

Свое безденежье Мария Ивановна подробно описывает в письмах к П. П. Косяровскому; причин его очень много: падеж скота; требование до срока казенных податей; внезапно открывшийся, после смерти Д. П. Трощинского, долг в 4060 р., в уплату которого наследнику, тому же „благодетелю“ Ан. Андреевичу, приходится уступить хутор в 70 десятин по назначенной им небывало низкой цене—по 30 рублей за десятину [4]).

Дела М. И. так плохи, что в мае 1830 г. она уже опасается, что ей придется лишиться Васильевки; ей грозит полное разорение, и при мысли, что она лишится места, связанного со столькими воспоминаниями счастья, она восклицает в глубокой горести: „при спокойствии душевном, какое теперь божественное время, соловьи со всех сторон как будто нарочно стараются меня рассеять прелестными своими трелями, но не успевают ничего“ [5]).

Эти факты доказательством от противного убеждают, каким хорошим хозяином был Вас. Афан.: с его смертью

---

[1]) Н. Белозерская. „М. И. Гоголь“. „Р. С.“, 1887 г., III, 690.

[2]) Шенрок, II, стр. 19.

[3]) Белозерская, назв. соч., стр. 689.

[4]) Там же, стр. 684—87.

[5]) Там же, стр. 690.

в малоопытных руках М. И. ведение хозяйства в Васильевке разлаживается, М. И. не в состоянии зорко следить за правильным оборотом крепостного хозяйства: в Васильевке по прежнему множество вишен, арбузов и поросят, но совсем нет денег, а денег, оказывается, нужно гораздо больше, чем при Вас. Афан. А просьбы денег из Петербурга все идут и идут. Еще в 1831 г. М. И., прибегая к займу, принуждена была по требованию сына выслать 750 руб.

Но вскоре после этого уже сам Н. В. Гоголь оказывается в состоянии послать в Васильевку около 600 рублей.

Это перелом. Теперь Васильевка начинает не посылать, а получать деньги. Получать ей приходится не очень часто; она очень редко решается и просить их, но нужда в них там не прекращается до самой смерти Гоголя и после нее. Приятели Гоголя не раз делали ему упрек в том, что он равнодушен к „бедственному положению его матери", и в письме от 28 февраля 1843 г. к Шевыреву Гоголю приходилось оправдываться от такого обвинения [1]).

Это оправдание не очень убеждает его друзей. Когда в следующем, 1844 г., он решается отдать „в пользу бедных, но достойных студентов" все деньги, вырученные от его книг, ему напоминают, что у него есть мать и сестры, которым как раз в это время грозит опись всего имущества за долги. Однако через три года Гоголь и сам приходит к мысли о необходимости помочь Васильевке и сообщает матери (от 27 февр. 1847 г.), что велел ей выслать 2000 рублей из Петербурга, „когда будет распродана его книга" [2]).

Из всего этого позволительно сделать один вывод: Васильевка с трудом снабжала Гоголя деньгами и в Нежине и в Петербурге, и, когда этих денег ему надобилось значительно, Васильевка оказывалась близкой к банкротству. Насколько Васильевка нуждалась в деньгах, видно из того, что несколько раз ей грозила опасность быть проданной с аукци-

---

[1]) Деловитый Погодин упрекал Гоголя, что он „мало сделал для сестер и для матери". (С. Аксаков. „История моего знакомства с Гоголем". „Рус. Арх.", 1890 г. VIII.)

[2]) Посылка эта, повидимому, не осуществилась. В 1847 г. Плетнев писал Гоголю: „У меня не осталось ни копейки. Просмотри хорошенько общий отчет по изданию. Таким образом, отсылка денег в Малороссию не может иметь места". „Рус. Вест", 1890 г., IX, 52.

она [1]). Это прекрасно знали друзья Гоголя. Денежная необеспеченность семьи Гоголя, зависевшей от Васильевки, выставлена была после его смерти главной причиной, на основании которой решались ходатайствовать о разрешении печатания нового издания сочинения Гоголя [2]).

Между тем несомненно и то, что Гоголю и в Нежине и в Петербурге вовсе не всегда деньги требовались только затем, чтобы за 40 р. купить Шиллера, которого он не мог прочесть, так как еле-еле разбирал по-немецки, или совершить мгновенно сымпровизированную поездку в Любек: он и в лицее и в Петербурге часто, действительно, испытывал нужду в деньгах на самые действительные потребности. О таких нежинских потребностях мы знаем. Несравненно больше он нуждался в Петербурге. Уже в первом письме Гоголя к матери из Петербурга сквозит изумление и страх человека, выросшего на натурально-хозяйственном васильевском изобилии перед городской дороговизной: „Жить здесь не совсем по-свински, т.-е. иметь раз в день щи и кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду... С‘естные припасы также не дешевы; картофель продается десятками; десяток луковиц репы стоит 30 копеек. Это все заставляет меня жить как в пустыне; я принужден отказаться от лучшего своего удовольствия— видеть театр“ [3]).

Гоголю бывало туго в Петербурге: приходилось если не голодать, то холодать: проводить зиму без шубы, в холодной комнате и поневоле просить у матери денег: на совет матери не отчаиваться из-за того, что не поступил еще на службу, он отвечает ей с досадой: „Оно бы и хорошо (не беспокоиться), когда бы я мог ничего не есть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапог, но так как я не имею сих талантов, т.-е. жить воздухом, то скучаю бездействием, сидя в холодной комнате и имея величайшее несчастие просить у вас денег, знавши теперешние ваши обстоятельства“ [4]). Письмо это очень

---

[1]) Ср., напр., „Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым“, т. II, стр. 945.

[2]) „Отношение попечителя Москов. учебн. округа В. И. Назимова к министру народн. просвещ. А. С. Норову. „Р. С.“, 1882 г., II, стр. 482.

[3]) Письма, I, стр. 115.

[4]) Из этого письма сохранился только отрывок, приводимый матерью в ее письме к Косяровскому. Шенрок, I, 226.

типично для того состояния нужды, которое испытывал Гоголь в Петербурге; но не менее типичен и ответ на него матери: „Я должна была опять занять и послать ему денег. Видно, он был в самом тревожном положении“ [1]). Фактами, подобными приведенным, можно бы заполнить десятки страниц, но эти страницы не внесли бы ничего нового в то положение, которое выше высказано: Васильевка не снабжала Нежин и Петербург деньгами в достаточном количестве, а сама все более и более в них нуждалась. Другими словами: М. И. Гоголь заставляла Н. В. Гоголя нуждаться в деньгах.

Почему же это так было?

На то исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом, дают два противоположные ответа.

По одному — виною всему выходит сам Н. В. Гоголь. Наиболее полно эта точка зрения выражена в исследовании Н. А. Белозерской „Мария Ивановна Гоголь. 1794—1868 г. Биографический очерк“, впервые обнародовавшей ряд ценных материалов для характеристики отношений М. И. и Н. В. Гоголь [2]).

Несколько упрощая точку зрения Белозерской, Шенрок определил ее „как резкое и беспощадное осуждение Гоголя“, который, по мнению Шенрока, изображен Белозерской как „бездушный эгоист, без стеснения и без благодарности пользовавшийся постоянно приносимыми для него матерью жертвами“ [3]).

Определение Шенрока слишком резко, но что статья Белозерской по существу дает на него некоторое право, явствует уж из того, что она вызвала ряд возражений со стороны родственников (Н. В. Быкова) и знакомых (Трохимовского) Гоголя и исследователей (кроме самого Шенрока, еще Черницкой: она также считает, что Белозерская обвиняет Гоголя в равнодушии к стеснительным обстоятельствам Марии Ивановны а последнюю изображает самоотверженной матерью, терпящей большую нужду ради сына, которому она постоянно помогает [4]).

---

[1]) Там же.

[2]) „Р. С.“, 1887 г, III, стр. 667—710.

[3]) Шенрок, I, 200. Вся VI глава этого тома посвящена разбору воззрений Белозерской и Черницкой (см. дальше) на отношения Гоголя к матери.

[4]) А. Черницкая. „Отношения Гоголя к матери“. „И. В.“, 1889 г., VI, 660.

Исследование Белозерской стоит на точке зрения, что денежные требования Гоголя к его родителям и в особенности к матери были чрезмерны, не вызваны действительной необходимостью, непосильны для их состояния и что о Гоголе мать заботилась материально и всячески больше, чем он сам о ней.

Убеждение Белозерской складывается из подробного анализа писем Гоголя и М. И. Гоголь. Из денег, посылаемых родителями, у Гоголя еще в Нежине „составлялась довольно значительная сумма для гимназиста, но она никогда не оказывалась достаточной для Н. В. Гоголя". И тогда, и в дальнейшем, Гоголь „был настолько избалован всем предыдущим воспитанием, что принимал ее жертвы как нечто должное и не считал возможным в чем-либо отказывать себе. Между тем ему были хорошо известны ее стесненные обстоятельства, потому что он упоминает о них во многих письмах к ней".

Этим утверждениям дает большую, конечно, подмогу тот известный факт, что на деньги (1450 р.), с большим трудом набранные матерью и присланные для взноса процентов в опекунский совет в уплату за имение, Гоголь не усомнился совершить нелепую поездку в Любек. Гоголь, по Белозерской, „считал себя совершенно свободным от всяких обязательств относительно материального обеспечения" матери и сестер, но в то же время вмешивался в хозяйственные дела Васильевки, иногда в столь резкой форме, что однажды М. И. „сама увидела себя вынужденной написать резкое письмо сыну по поводу бесцеремонных и незаслуженных упреков, которые он позволил сделать ей и сестрам относительно их хозяйственных распоряжений и расходов, и в подтверждение своих слов послала сыну подробный перечень всего, забираемого ими в лавках и у разносчиков"[1]).

Белозерская исходит из действительных фактов биографии Гоголя. Его длинные этико-хозяйственные наставления и выговоры домашним и в особенности матери, составляющие все содержание писем к ним Гоголя в 40—50 годах, действительно, производят такое впечатление, будто у Пульхерии Ивановны есть сын, который непременно хочет заставить ее сделать две вещи: 1) чтобы Пульхерия Ивановна внимательно и прилежно читала „Выбранные места из переписки с друзьями", и 2) чтоб

---

[1]) Белозерская, назв. соч., стр. 697 и 702.

Пульхерия Ивановна управляла своим имением, как приобретательница Коробочка, но то, что приобретет по методу Коробочки, раздавала бы всем со щедростью Пульхерии Ивановны. Ничего из этого не удается: бедная Пульхерия Ивановна не могла ни Коробочкой стать, ни проникнуться до конца „Перепиской с друзьями". В споре между Пульхерией Ивановной и ее сыном Белозерская становится на ее сторону. Она решает спор так: Пульхерия Ивановна не была, правда, Коробочкой, но она много и покорно помогала сыну, добывая так или иначе деньги для посылок в Нежин и Петербург, сын же почти ничем не помогал ей: мало того, своими, часто неосновательными, во всяком случае чрезмерными требованиями он-то и заставлял бедную Пульхерию Ивановну обращаться к займам и разорять имение. Виноват, стало быть, во всем он, а не она. Приговор Белозерской вызвал, как указано, решительные возражения родных и знакомых Гоголя. Они решали дело в обратном смысле: виновата во всем сама М. И. Гоголь, а не ее сын.

Рельефнее всего это воззрение представлено в специальной работе А. М. Черницкой „Отношения Гоголя к матери"[1]), которую Шенрок характеризует как „добросовестный и самостоятельный очерк", который „чрезвычайно удачно группирует и раз'ясняет факты, касающиеся отношений Гоголя к матери"[2]). Вот приговоры Черницкой: „Можно упрекнуть Марию Ивановну за то, что она допускала сына до крайней нужды, ссылаясь на свою бедность, а между тем она вовсе не была бедна... М. И. жила довольно комфортабельно в своем имении, делала приемы, жертвовала большие суммы на сооружение храма в Васильевке и никакой нужды и недостатка не испытывала, несмотря на то, что была очень непрактична и не умела хозяйничать". У Марии Ивановны очень много вин перед ее гениальным сыном: она „при своем значительном состоянии допускала сына до такой крайней нужды, какую ему приходилось испытывать в Петербурге"; „получая из дому неаккуратно деньги, он закладывал свои вещи, чтобы как-нибудь обернуться, питался весьма скудно и лишал себя любимого удовольствия—театра"; неприсылом денег она заставляла его

---

[1]) „И. В.", 1889 г., VI, стр. 660—678.
[2]) Шенрок, I, 200.

переживать „нравственные муки и унижения“ при займах у А. Трощинского и Аксакова; еще раньше, когда он был в Нежине, она „стеснялась посылать сыну даже такие незначительные деньги, какие ему требовались в гимназии для покупки книг и других мелких расходов“; „несмотря на то, что воспитание сына ничего не стоило Марье Ивановне, так как Гоголь воспитывался на казенный счет, тем не менее она посылала сыну деньги на расходы не особенно щедро“; „Гоголь, отказывая себе во всем необходимом, мог накопить в полгода на одну лишь какую-нибудь книгу“; наконец, из Нежина в Петербург М. И. „отправила Гоголя с весьма небольшими деньгами, которых ему едва хватило на дорогу и на первое обзаведение“; вообще она „не входила в положение сына“; и т. д., и т. д. [1]).

Все эти вины М. И. выражены во фразе, резюмирующей изображение петербургской жизни молодого Гоголя с его жалобами на бедность: „М. И. довольно равнодушно относилась к этим заявлениям и ничего не сделала для того, чтобы сколько-нибудь облегчить сына“.

Приведя ряд соображений в доказательство того, что М. И. вовсе не была „бедна“ и что, стало быть, не бедностью об'ясняется недостаточность ее материальной помощи сыну, Черницкая делает окончательное заключение: „М. И. относилась слишком равнодушно к нуждам сына и далеко не была такою заботливою матерью, как привыкли о ней думать“ [2]).

Еще до работы Черницкой исследование Белозерской вызвало возражение Н. А. Трохимовского, который был давним знакомым Гоголей, в детстве гащивал в Васильевке и знавал Гоголя; писатель был крестником его отца и родился в доме его прадела—доктора [3]). Самое существенное место этого возражения сводится к тому, что М. И. Гоголь была зажиточная помещица и имела все средства безбедно жить самой и содержать сына в Нежине и в Петербурге: „в Васильевке было 1000 десятин земли, хотя та земля и была заложена в опекунском совете“.

М. И. виновата сама: „не в непосильных жертвах в пользу сына и неумеренной требовательности этого последнего, а в соб-

---

[1]) Черницкая, назв. соч., стр. 660—667.

[2]) Там же, стр. 670.

[3]) Н. А. Трохимовский. „М. И. Гоголь. По поводу статьи Н. А. Белозерской“, „Р. С.“, 1888 г., VII, стр. 25—46.

ственной неумелости, непрактичности и несколько легкомысленном отношении к расходам и предприятиям для поправления своих средств, надо прежде всего искать причин денежных невзгод и затруднений Марьи Ивановны [1])".

Васильевка была богата. Трохимовский знает это по личным воспоминаниям. Они у него живы и, конечно, правдивы: „Я думаю, что родственники и многочисленные соседи посещавшие Васильевку, проводившие целые дни под кровом дома М. И., гулявшие в прелестном тенистом саду, катавшиеся по обширному живописному пруду, осененному старыми деревьями, пользовавшиеся широким гостеприимством всегда милой, любезной, веселой и гостеприимной хозяйки, были бы очень удивлены, если бы им сказали, что эта самая Васильевка—приют вечной нужды, горя и забот, вечных хлопот из-за копейки, вечных жертв ради отсутствующего сына. Сколько я не только помню сам, но сколько я слышал и прежде, да и теперь от оставшихся в живых тогдашних соседей Васильевки, дом Гоголей был всегда полная чаша; дом не большой, но поместительный, обширный и живописный сад и пруд, многочисленная прислуга, сытный обед, конечно, деревенский, приличные экипажи и лошади и т. д.,—где же тут нужда и недостаток?" [2]).

Старый посетитель гостеприимной Васильевки, несомненно, прав: все так и было, как он помнит: всего была „полная чаша"; земли же у М. И. Гоголь было больше, чем он думал. Вот точная цифра, указанная племянником Гоголя, Н. Быковым, по „планам" на эту землю:

„В с. Васильевке числилось	970 дес.
в урочище „Стенка" лес	51 „
и при с. Яреськи хутор	70 „
Итого всего земли	1091 дес. [3]).

И тем не менее Марья Ивановна не говорила неправды в своих откровенных письмах к двоюродному брату Косяровскому или в своих письмах с „репримандами" к сыну, когда писала, что у нее нет денег, она в долгу, и Васильевка накануне продажи с аукциона.

[1]) Там же, стр. 30—31.
[2]) Там же, стр. 30.
[3]) Н. В. Быков. „К биографии Гоголя", „Р. С.", 1888 г., III, стр. 768.

В Васильевке всего было вдоволь и вдосталь; гостям там было что всласть поесть и что попить: хлеба, всякой живности и фруктов было столько, что хватало не только на семью, „многочисленную прислугу“, беспрестанно наезжавших гостей, но и можно было обильно рассылать все это всем по желанию: в Нежин сыну „сушеных вишен без косточек“ и всяких „с'естных припасов“ [1]), гувернеру Зельднеру туда же „сушеных вишен и слив венгерских“, да еще и „провизии“, и каких-то „корзинок“, работы васильевского садовника [2]), в Москву Аксаковым, Шевыреву и другим „добрым знакомым“ тех же „сушеных вишен“ по 30 фунтов“ каждому [3]), — всего этого было очень много в Васильевке, но денег там было очень мало и тогда, когда хозяйствовал Вас. Афан., и тогда, когда хозяйство перешло к М. И., и особенно их стало мало, когда ей приходилось слать их в Петербург, чего не приходилось делать Вас. Афан.

Печатаемая здесь впервые переписка В. А. и М. И. Гоголь-Яновских хорошо нам об'ясняет, почему их было мало в Васильевке и при Вас. Афан. и как трудно они добывались даже в правильно налаженном и опытной рукой ведомом хозяйстве.

Она, как мы видели, рисует будни старосветского хозяйства, и оказывается, что вся забота старосветского хозяина средней руки, каким и был В. А. Гоголь-Яновский, направлена на то, чтоб обратить продукты своего хозяйства в деньги, а это удается лишь с трудом и не вполне успешно: хозяйство производит больше, чем условия рынка при натуральном хозяйстве позволяют продать и обратить в деньги. Денег в крепостном поместьи нет. Чтобы приблизить деньги к своему хозяйству, предприимчивый В. А., как мы видели, заводит у себя в Васильевке ярмарку в четыре удачно подобранные срока; ярмарка, как показало дело, экономически оправдана и выбором места, и сроками, и местными хозяйственными условиями, но и она,—опять-таки в силу неумолимых общих условий,—оказывается, не всегда может приблизить деньги к хозяйству. Такими непреложными условиями

---

1) Письма, I, 17. Письмо от 10/X 1822 г.

2) Щеголев. „Школьные годы Гоголя“. „И. В.“, 1902 г., II, стр. 514 и 519.

3) Письмо М. И. к О. С. Аксаковой от 1859 г., впервые печатаемое ниже.

для весенней ярмарки 1825 г., которую мы в подробностях знаем по письмам родителей Гоголя, оказалось бездорожье, отсутствие обеспеченных и необходимых рынку путей сообщения, а это отсутствие, в свою очередь, обусловлено всем социально-экономическим и политическим укладом крепостной России 20-х годов.

Сам Гоголь в иные часы отдавал себе довольно ясный отчет в тех хозяйственных условиях, среди которых жила Васильевка и невольною жертвою которых ему не раз приходилось бывать. Хорошую картину украинской крепостной деревни и поместья, так и просящуюся в историю экономического развития николаевской России, мы находим в его письме к И. И. Дмитриеву, писанном из Васильевки летом 1832 года: „Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его ярки и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю! Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения: он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец, умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; если б только одна лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь *совершенная редкость*“ [1]).

Чтобы эта „редкость“ стала в Васильевке менее редкостной, отец Гоголя основал ярмарку и тщательно вникал, как видно по впервые печатаемым письмам, во все ресурсы своего хозяйства, с единственной целью—сделать их более подвижными и способными к добыванию нужной „редкости“.

Мать Гоголя видела, что с переселением сына в Петербург, с подрастанием дочерей, с ухудшением хозяйства и надзора за ним после смерти мужа,—эта редкость в Васильевке

---

[1]) Письма, 1,219. Курсив мой.

становится все более редкою. Она понимала, что нельзя с этим бороться займами и продажей предметов, нужных в хозяйстве (дело доходило до продажи чана из действовавшей винокурни), и решила бороться другими средствами. М. И. как бы услышала мысль сына, что „пора приниматься за мануфактуры и фабрики“, и принялась за фабрику. Через год после гоголевского письма к Дмитриеву, в 1833 г., М. И. взялась за устройство в Васильевке кожевенного завода совместно с сапожной фабрикой. Гоголь сперва недоверчиво отнесся к ее начинанию, но потом его отношение изменилось: „Дай бог,—пишет он 9-го марта 1834 г.,—чтобы все пошло хорошо, в чем я и не сомневаюсь... Я с своей стороны имею в виду доставить фабриканту самую выгодную работу. Работа и сбыт будут. Я нарочно сделал для этого сношения и знакомства со многими нужными людьми“ [1]). Однако уже в июле 1834 г. он из письма матери узнает, что она „фабрику бросила совершенно“ [2]). М. И. не получила от фабрики чаемой „редкости“, а понесла на ней крупный убыток. Удерживая мать от дальнейших попыток такого рода, Гоголь, однако, дает совет: „если у вас уже выучились выделывать кожи, то вы не оставляйте этого вовсе“ [3]). Он и раньше давал советы в этом роде, — например, рекомендовал усиленно заняться культурой картофеля. Так или иначе, но и Гоголя-отца, и Марью Ивановну, и Гоголя-сына необходимость заставляет всячески добиваться того, чтобы хорошо выраженное Гоголем положение: „деньги здесь совершенная редкость“—не относилось к Васильевке.

И Марью Ивановну нельзя упрекнуть в том, чтобы она всячески не добивалась этого. Однако „редкость для всех“ оставалась „редкостью“ и для Васильевки. Тот же сосед Гоголей, который в опровержение жалоб М. И. на постоянную недостаточность средств рассказывает, „как привольно жилось в Васильевке, какой там всегда бывал „сытный“ обед, приличные экипажи и лошади и т. д.“,—принужден сам обмолвиться примечательной оговоркой: „Правда, и в Васильевке, при всем обилии плодов земных, наличные деньги далеко были

---

1) Письма, I, 280—1.
2) Там же, 310.
3) Там же, 315.

не в изобилии, торговля продуктами была мало развита, частный кредит был и редок и дорог, контор, банкирских домов и банков в провинции вовсе не существовало, а потому, когда являлась нужда в более или менее значительной сумме денег для уплаты в опекунский совет, или податей, для высылки в Нежин или в Петербург, то эти деньги доставались с трудом и помощью не малых хлопот" [1]).

Эта оговорка хорошо дополняет и переписку родителей Гоголя и письмо Н. В. Гоголя к Дмитриеву; она сводит на нет весь поднятый исследователями спор о правости и виновности Н. В. Гоголя и М. И. Гоголь.

В тех экономических условиях, в которых, согласно с общими основами крепостного хозяйства 20-х г., существовало заурядное помещичье хозяйство Васильевки, М. И. Гоголь часто не могла, а не не хотела удовлетворять многих требований своего сына. Она могла хозяйствовать лучше или хуже, приблизиться по методу хозяйствования к Пульхерии Ивановне или, наоборот, стать, по совету сына, расчетливой Коробочкой,—дело от этого не очень бы изменилось: припомним, как много было накоплено у Коробочки и пуха, и щетины, и всяких продуктов ее хозяйства, и как мало находилось на них покупателей,—не даром она так обрадовалась, когда внезапно у нее в имении нашелся новый ходкий товар— „мертвые души", и принялась так рьяно узнавать на него настоящую рыночную цену.

Каждое внезапное требование денег в Петербург нарушало тугой экономический оборот крепостного хозяйства, не приспособленный к скорому обращению продуктов в деньги,— и эти внезапно потребовавшиеся деньги „доставались,—по словам соседа-помещика,—с трудом и помощью не малых хлопот",—а говоря проще, путем займов, отягощавших некрепкое васильевское хозяйство, или путем закладов и продажи вещей, зачастую нужных в хозяйстве.

Легко представить себе, какую разруху в хозяйстве Марьи Ивановны внесла выше упомянутая затрата (хочется сказать: растрата) Гоголем 1450 р., посланных на уплату процентов по заложенному имению в Опекунский совет и вместо того употребленных им на поездку в Любек. Эти 1450 р. Марье

---

[1]) Трохимовский, назв. сочин., стр. 30.

Ивановне приходилось в короткий срок добывать вторично, чтобы не пропало именье, а и первые-то 1450 р., ушедшие в Любек, были добыты, конечно, помощью займов и продаж. Этот поступок Гоголя, имеющий свое об'яснение в довольно сложных переживаниях Гоголя — новосела в Петербурге, вызвал любопытную оценку в случайно дошедшей до нас переписке двух старосветских помещиков, знавших и Марью Ивановну с сыном, и Васильевку, и весь хозяйственный уклад тогдашнего помещичьего хозяйства,—и обо всем судивших с самой расхожей, житейски деловой точки зрения. Хорошо осведомленный о делах М. И-ны, помещик пишет другому о Гоголе: „Едва Никоша прибыл в столицу, как начал просить у матушки денег, коих она переслала выше состояния; наконец, она, я думаю, не без помощи А. А., (т.-е. Андрея Андреевича Трощинского) собрала 1500 р. для заплаты процентов в банк; для исполнения сего вернее человека не могла найти матушка, как сына своего, и тем вернее было сие, что сыново же имение находится под залогом. Гений Никоша, получив такой куш, зело возрадовался и поехал с сими деньгами вояжировать за границу, но, увидевши границу, издержал все деньги и возвратился вспять в столицу... Андр. Андр., будучи еще в Кибинцах, узнав о таких подвигах Никоши, сказал: „мерзавец, не будет с него добра“ [1]).

С точки зрения и помещиков, и самого Андр. Андр. поступок Гоголя особенно „мерзостен“ именно потому, что он причиняет подрыв хозяйству, которое не может выдержать таких трат, так как, по оценке деловых помещиков, М. И. и без того сыну денег „переслала выше состояния“.

Отзыв старосветских помещиков и старосветского генерала нам не может не казаться слишком резким, но это отзыв хозяев практиков, и мы наткнемся на не менее резкий отзыв о Гоголе, и по близкому поводу, исходящий от его собственного отца. В последнем письме к В. А. Гоголю, за несколько дней до его смерти, незадолго перед наступлением праздника Пасхи, М. И., сообщив, что ярмарка не удалась и что шлет ему 20 руб. серебром, пишет:

---

[1]) Письмо Вас. Яков. Ломиковского к Ив. Ром. Мартосу от 9/I—1830 г. „Киевск. Старина“, 1898 г., июнь—август, стр. 122.

„Николе нашему надо было бы послать еще хотя десять рублей. Я думаю, что он там задолжал, а это его будет очень беспокоить. Написать же о сем он теперь не смеет потому, *что ты написал ему выговор, что он только тогда и пишет, когда денег нужно*“ [1]).

До нас не дошел самый „выговор“ Вас. Афан., но о его содержании говорит и приведенный выше отрывок письма М. И-ны, и ответное на „выговор“ письмо самого Н. В. Гоголя. „Благодарю вас покорнейше за присылку мне денег,— писал он родителям 18 марта [2]),—и *за наставление, которое вы мне сделали*. Но, дрожайшие родители, позвольте вам сказать, что я не имею ни одной из тех наклонностей, об которых вы мне писали, или, по крайней мере, ни к одной не имею пристрастия“.

В этом характерном эпизоде мать является ходатайствующей за Гоголя, а отец, наоборот, считает, что его требования денег чрезмерны и ничем не оправданы. Если б исследователи отношений Гоголя и его матери знали это письмо, им пришлось бы и отца Гоголя обвинить в нежелании помогать сыну деньгами в нужном количестве. Василий же Афан. просто не хотел снабжать сына деньгами „выше состояния“ и хорошо знал, подобно одному из старосветских корреспондентов, что ему по состоянию, что — нет.

Приведенные факты, думается, достаточно бесспорны для того, чтобы дать единственно возможный ответ на вопрос: почему Гоголь нуждался часто в деньгах и в Нежине, и в Петербурге и туго получал их из дома, и от отца, и от матери, с большим замедлением, и не иначе, как путем напряжения всего васильевского хозяйства, приводившего его все к большему и к большему расстройству? — и на второй вопрос: почему в Васильевке, при 1000 с лишком десятин земли, так мало было денег, и она так явно в них нуждалась, что и семья Гоголя, и его друзья ждали от него материальной помощи Васильевке?

Ответ на поставленные вопросы уже дан всем предыдущим изложением: он заключается в том, что среднее помещичье крепостное хозяйство в России 20 — 30 гг., находив-

---

[1]) Письмо печатается впервые ниже. Курсив наш, здесь и далее.

[2]) Письма I, 25.

шееся в условиях натурального хозяйственного строя, было малоденежно, а при иных обстоятельствах даже и безденежно.

Оттого Гоголю, крепко связанному с этим хозяйством, нехватало денег в Нежине и в Петербурге, оттого отец и мать, при всей любви к нему, доходившей до обожания, не могли удовлетворять его действительных, а иногда и воображаемых нужд: они всецело зависели от своей крепостной Васильевки, а Васильевка — от всей крепостной помещичьей России.

Это же хозяйство России в свою очередь зависело от условий мирового рынка в эти годы. Мы видели, с каким трудом Гоголю-отцу и его должнику Цюревскому удавалось обратить в деньги главный продукт их хозяйства — пшеницу. Вот причина этого: „Двадцатые и тридцатые годы XIX ст. были периодом исключительно низких цен на хлеб. Их падение носило притом почти катастрофический характер: еще в 1821 г. центнер пшеницы на берлинской бирже расценивался в 6,63 марки (переводя на теперешнюю монету), а центнер ржи—в 4,14 м. А в 1825 г. пшеница стоила в Берлине 4,14 м. за центнер, а рожь — 2,65 м. Но раз упав, цены долго держались на низком уровне: если принять берлинские цены 20-х гг. за 100, цены пшеницы 30-х гг. будут выражаться цифрой 113,84, а ржи — 115,70... Резкий упадок цен на хлеб в России в 20-х гг., вызвавший даже назначение академией наук особой премии за исследование на эту тему, отнюдь не был местным явлением: во всей Европе было то же [1]). 1825 г., по этим данным историка-экономиста, оказывается годом наименьших цен на пшеницу, но это — как раз тот самый год, к которому относится хозяйственная переписка отца и матери Гоголя, а 20-е годы и начало 30-х вообще— время катастрофически низких цен на хлеб — как раз и есть время пребывания Н. В. Гоголя в Нежине и в Петербурге, откуда он так докучал Васильевке своими просьбами о присылке денег. Понятно теперь, почему Васильевка так бессильна была исполнить эти просьбы: „крепостное, барщинное хозяйство, — говорит тот же историк, — при данном уровне хлебных цен, давало слишком мало денег“ [2]).

---

[1]) М. Н. Покровский. „Русская история с древн. времен“, т. IV, изд. 3, М., 1920 г., стр. 14. Курсивы здесь и далее М. Н. Покровского.

[2]) Там же, стр. 16.

М. И. Гоголь в свете этих выводов историка верно изобразила С. Аксакову ту трудную хозяйственную задачу, которую ей приходилось решать после смерти мужа: „Я должна была извлекать из ничтожного в то время имения нашего в самом глухом месте Малороссии, не имеющего тогда никакого сбыту, лепту для воспитания детей, которыми я дорожила более моей жизни“ [1]).

При всех этих рассуждениях, я знаю, может кое-кого соблазнить цифра земельных владений Гоголей: 1091 дес. земли, да еще какой земли: полтавского чернозема! Как, казалось бы, тут не быть деньгам! Сочная цифра „1091 дес. чернозема“ бьет в глаза и как-будто устраняет все рассуждения о натуральном крепостном хозяйстве и его законном малоденежье или даже безденежье.

Но вот у Д. П. Трощинского было не 1000, а 70 тысяч десятин земли при 6000 душах крестьян [2]), и не раз, однакож, он, кормивший в своей вотчине огромные толпы родственников и прихлебателей, не имел наличных денег в нужном числе, которое соответствовало бы его колоссальному земельному богатству, и ему приходилось занимать деньги у соседей,— в том числе у тех же „благотворимых“ им Гоголь-Яновских, когда у тех случались наличные суммы. По крайней мере, племянник Гоголя и наследник Васильевки Н. В. Быков, сообщив, что М. И. Гоголь делала займы у Трощинского, которые ею „всегда аккуратно возвращались“, прибавляет: „подобные одолжения делались и со стороны семьи Гоголей Трощинским и даже в конце концов семья Трощинских осталась должна нашей семье около 40 тысяч рублей“ [3]). Пусть последняя цифра, — даже если б ее считать на ассигнации, — представляется маловероятной: Н. В. Быков, вероятно, знал сумму эту не из документов, а по семейному преданию, но самый факт обращения Трощинских за займами к свойственникам своим Гоголям не подлежит сомнению и твердо был известен в семье Гоголя; косвенное подтверждение ему находим в письме Гоголя к матери: „Бедный Андрей Андреевич, как видно, очень плох в своих хозяйственных обстоятельствах... Мне очень жаль его“ [4]).

---

[1]) Из воспоминаний матери Гоголя“. „Соврем.“, 1913 г., № 4, стр. 252.

[2]) [Ореус]. „Д. П, Трощинский“. „Р. С.“, 1882 г., VI, 656.

[3]) Н. Быков. „К биографии Гоголя“. „Р. С.“, 1888 г., III, 768.

[4]) Письма, I, 552. Письмо от 10/XII 1838 г. из Рима.

Оказывается, значит, что и при 70 тысячах десятин можно, в условиях русского крепостного натурального хозяйства 20—30-х годов, нуждаться в наличных деньгах, быть в плохих „хозяйственных обстоятельствах“ и занимать деньги у тех, у кого они в данный момент есть, в том числе и у „благотворимых“ родственников, которые в другое время сами почти всегда нуждаются в займах у благотворителя.

VI.

Печатаемая впервые переписка матери Гоголя с Аксаковыми — Сергеем Тимофеевичем, его женой Ольгой Семеновной, и старшей дочерью Верой Сергеевной, обнимающая период в 17 лет (1842 — 1859), могла бы дать не мало новых фактов и черточек для подтверждения всего того, что развивается на предыдущих страницах. М. И. Гоголь делится с Аксаковыми своими хозяйственными заботами, бедами и надеждами, в чаянии, что они, как помещики, хорошо ее поймут, а как добрые люди, ей посочувствуют.

Но не в этих фактах и черточках главный интерес этой переписки.

По форме — это старосветские письма: как много в них передается поклонов, как подробно перечисляются те лица, которым они шлются, как смешна порою кажется словесная оболочка этих писем: с „мысленными обниманиями“ „любезнейших деток“, „почтеннейших родителей“, с почтениями, передаваемыми „превосходно-прекрасному“ Константину Сергеевичу, „ангелу“ Ольге Семеновне, и с прочими украшениями старосветской эпистолярной учтивости. Но через эти украшения, через этот, сам по себе примечательный для историка литературы эпистолярный стиль, от карамзинской эпохи доживший нетронутым до времен Островского и, под пером матери Гоголя, благополучно миновавший без единого следа гоголевский период, — через все это выступает прекрасный и трогательный образ матери великого писателя, — и выступает так, что Марья Ивановна Гоголь в этих письмах в семью писателей является не просто родительницей Гоголя, а именно матерью писателя: любящей писательство сына, гордящейся им и искренне и глубоко дорожащей и при жизни сына, и, в особенности, после его смерти, избранным кругом его друзей —

писателей. Аксаковы, Погодин, Шевырев, чьи имена мелькают в ее письмах, — для нее не просто добрые друзья сына, а писатели — друзья писателя. Она пишет С. Т. Аксакову любопытнейшее письмо, в котором дает ему обстоятельный и драгоценный для историка русской литературы и культуры отчет в своих впечатлениях от присланных ей и только-что прочитанных „Детских годов Багрова-внука“: таких читательских отчетов немного в нашей литературе, а между тем они — драгоценный материал, который понадобится тогда, когда историки литературы поймут, что им не миновать социологии литературы: изучения не только писателя, но и читателя разных эпох. Но, главное, и при жизни сына, и еще несравненно сильнее после его смерти, она полна интереса к его писательству: она — усердная читательница его произведений и, как мы знаем из других источников, даже пропагандистка их в окружающей помещичьей среде [1]).

Она с живым интересом относится к судьбе произведений своего сына.

Сообщая О. С. Аксаковой, что „с нетерпением ожидает“ от сына присылки его „комедий“ („Женитьба“, „Игроки“, „Тяжба“ и т. д.), она делится с ней своим ожиданием их судьбы: „Как-то их примут, как они появятся в первый раз в свет под руководством славного артиста Щепкина. Мысленно летела бы в театр. Убедительно прошу вас, почтеннейшая Ольга Семеновна, написать мне истину, как примет публика“.

Когда в 1855 г. она впервые прочла, в посмертном издании, сохранившиеся отрывки из 2 тома „Мертвых душ“, она признается О. С. Аксаковой: „Тяжело мне было читать продолжение „Мертвых душ“ из найденных вчерне в его шкафу, т.-е. моего Ангела Сына (она пишет „Сын“ с большой буквы), вообразя, что это было (бы) в оконченном издании, какое бы это было сокровище для живущих на земле. Мне кажется, это было бы верх совершенства“. Она заботится о новом издании сочинений Гоголя. „Удивляет меня, — пишет она О. С. Аксаковой, — откуда берутся книги сочинений моего сына, и так непомерно дорого продаются; а я давно слышу, что они вышли и их нигде нет. Не знаю, скоро ли дойдет

---

[1]) См., напр., ее письма к О. Д. Трощинской по поводу „Вечеров на хуторе“ и „Арабесок“ ([Ореус.] „Д. П. Трощинский“. Р. С., 1882, VI, 677—8).

письмо мое к государю“ и он „уважит мою просьбу о позволении печатать труды моего Ангела“ [1]).

И друзья Гоголя ценят этот живой интерес к Гоголю-писателю. Они, вместе со своими сочинениями, снабжают далекую Васильевку журналами и газетами, в которых появляются первые биографические и библиографические работы о Гоголе — С. Т. Аксакова, Кулиша, Тихонравова, Лонгинова, Г. Данилевского и других. Но Марье Ивановне далеко не все эти работы по душе: многое не удовлетворяет ее: ей представляется, что о сыне ее нужно сказать иначе, лучше, полнее,— и, встретив в одном из первых таких очерков „искажение“ биографии ее сына, она „желала бы на все возражать“.

Ее любовь к сыну, с его смертью, растет. Она видит его во сне. Она рада всякому рассказу и слову о нем. Она бесконечно признательна В. С. Аксаковой за то, что та прислала свою подробную запись о последних днях Гоголя [2]). Ей хочется все знать об усопшем сыне. Утешая ее в ее тяжком горе, кто-то из Аксаковых (письмо не дошло до нас), сообщил ей, что могилу Гоголя в Даниловом монастыре неизвестная рука украшает цветами, — и она спрашивает Ольгу Семеновну: „Как бы я желала знать, чья рука усыпает цветами могилу моего дорогого сына! Она должна принадлежать самому нежному сердцу“. Она несет свое горе мужественно, но оно так велико для нее, что у нее нет даже для него слез: через несколько месяцев после смерти сына, она „все еще не может плакать“, и хоть близкие замечают, что она „похудела“, но она дивится сама на себя, что еще живет, может жить, и с сожалением и укором замечает: „но я не вижу никакой в себе перемены: все также здорова“. У ней одно желание — поехать в Москву: ей есть теперь куда ехать: „в собственный дом“ ее сына, в Данилов монастырь, на его могилу— да к друзьям его (письмо 1855 г).

Аксаковы чутко понимают ее скорбь. Эта чуткость подсказывает им послать Марьи Ивановне не совсем обычное поздравление: в день рождения Гоголя они и в 1853 г., через год после его смерти, как при его жизни, шлют в Васильевку

---

[1]) Все цитаты из писем к Аксаковым взяты из писем М. И. Гоголь, впервые печатаемых ниже.

[2]) Полностью напечатана в „Дневнике В. С. Аксаковой“. Спб., 1913, стр. 164 — 169.

поздравление с днем его рождения. И М. И. с душевной тонкостью умеет понять, что этим необычным приветом ее, мать Гоголя, благодарят за то, что она, родившая великого писателя, сделала день его рождения навсегда дорогим для России праздником, с которым можно поздравлять и ее, его виновницу, и всех русских. Она достойно и прекрасно отвечает О. С. Аксаковой: „От души благодарю вас за поздравление меня с рождением достойного моего сына: точно, можно и теперь поздравлять меня с его рождением — он живет в сердцах своих друзей и всех добрых людей, и мне кажется, что он и со мной бывает неразлучно".

Если б в письмах М. И. не было ничего, кроме этих строк, они одни давали бы ей право на внимание со стороны всех, понимающих значение Гоголя в русской литературе. Подобных строк не было от матери Пушкина, Тургенева и многих других „литературных" матерей.

Эта большая и полная любовь к сыну, обнимавшая собою и его писательство, позволяет ей верно разбираться в людях. Она знает, что „Константин Сергеевич так много любил моего сына" — это, конечно, самая верная оценка отношений Константина Аксакова к Гоголю. Она знает, сколько души и забот положил старик Аксаков в свои отношения к Гоголю — и потому нет пределов ее почтительной любви к нему: ей все хочется знать о нем: прочитав „Детские годы Багрова-внука", она просит его поспешить с продолжением: ее живо интересует дальнейшая его жизнь.

Любившие Гоголя для нее дороги, как он сам. Получив первое известие о его смерти, от 29 марта 1852 г., она писала двоюродному брату: „Ко мне начинают писать из Москвы и из разных мест; прежде боялись отзываться, не будучи уверены, знаю ли я о моем несчастьи. Бог и в смерти прославил моего сына; он отошел в лучший мир, как истинный христианин; вся Москва плакала о нем, как одно семейство, и к нам они очень расположены, для того только, что мы его родные" [1]).

Она зовет к себе в Васильевку друзей Гоголя. Они дороги ей, как живые свидетели деятельности ее сына. Они мо-

---

[1]) Р. С., 1882 г, VI, 680.

гут рассказать ей много о нем. Но они дороги ей и сами по себе. В особенности ее зовы учащаются при вести, что кто-нибудь из них болен. При вести о болезни Шевырева, она пишет: „Трепещу лишиться друзей моего сына, которыми я дорожу более своей жизни“,—и зовет его лечиться в Васильевку. Ее любви и сердечному радушию представляется, что в Васильевке, под ее заботами, легко вылечиваются все болезни. И как некогда, при жизни Гоголя, М. И., стосковавшись по нем, звала его из Италии домой, уверяя, что „климат в Малороссии производит то же самое действие, что в Италии,“ [1]) так теперь зовет она в Васильевку Аксаковых, собирающихся везти дочерей на лечение в Крым, доказывает им, что „и в Малороссии климат несколько похож на тот“ и утверждает: „если бы вы могли, из вашего милого семейства кто-нибудь приехать к нам, то, кажется, были бы довольны этим вояжем насчет здоровья“. И удавалось-таки ей своим ласковым зовом залучать в Васильевку друзей Гоголя: Погодина, Шевырева, Чижова. Ив. С. Аксаков, дважды наезжавший в Васильевку, сохранил в письме к отцу рассказ о необычайном, даже непосильном для гостя, старосветском гостеприимстве Васильевки: „я уже обрек себя на жертву, ел все, готов был даже спать на пуховике, видя бесполезность отговорки“ —и о том, как ему показывали „все места, которые любил Гоголь“, и о том, что М. И. „очень грустна и все твердит о сыне“ [2]).

Первый биограф Гоголя так был обласкан в Васильевке, что впоследствии даже поселился там: „Готовность М. И. позаботиться о том, чтобы ее гость позабыл на время свои житейские печали, была так велика, что пишущий эти строки (помнится, в 1861 г.) выпросил у нее позволение построить собственный домик в конце ее сада, над прудом, у мельничной плотины, с вербами, шумящими (как поется в песне) „под шум воды“. Просьба моя была принята ею и ее сожительницей, сестрой поэта, Анной Васильевной, с предупредительностью Гоголевых „старосветских помещиков“. Когда Кулиш перестал жить в Васильевке, М. И. купила у него домик

---

[1]) Письма, I, 472.

[2]) „И. С. Аксаков в его письмах“, т. III, М., 1892 г, стр. 38. Письмо от 4/VII 1854 г.

и подарила его бывшим своим крестьянам на сельскую школу“ [1]).

Такова была Марья Ивановна Гоголь в отношении ее к памяти сына, к его писательству и к его друзьям. Друзья эти, столь ею ценимые и любимые, помянули ее добрым, а главное, справедливым словом. Еще при жизни ее С. Т. Аксаков писал о ней: „Взглянув на Марью Ивановну и поговорив с ней несколько минут от души, можно было понять, что у такой женщины мог родиться такой сын. Это было доброе, нежное, любящее существо, полное эстетического чувства, с легким оттенком самого легкого юмора.

Марья Ивановна—женщина необыкновенная. Она так моложава и хороша собой, что дочери при ней кажутся дурными. Она вся исполнена самоотвержения и тихой любви к своим детям; она отдала им свое сердце и сама не только не имеет воли, но даже своих желаний; по крайней мере, не показывает их. Сына любит она более всего на свете и между тем должна от него почти совсем отказаться, видеть изредка, и то на короткое время.—Лицо ее постоянно грустно, особенно после от‘езда Николая Васильевича; она плачет мало, но видно, как глубоко огорчена, и между тем говорит, что не надо грустить; ибо у нее поверье, что тот человек, о котором грустят, будет оттого грустить больше“ [2]).

В. С. Аксакова, переписывавшаяся постоянно с семьей Гоголя, как бы продолжает характеристику, когда пишет в 1847 г: „Как она боится того впечатления, которое произведет на целую Россию его новая книга! Она боится неприязненного впечатления только потому, что это может его расстроить и повредить его здоровью.... Как любит Марья Ивановна всех тех, кто принимает участие в ее сыне! Она все старается уверить себя, что он воротится скоро, хотя он сам сказал ей, что это может быть не прежде пяти лет. Она увидала один раз только что вышедший том „Мертвых душ“, лежавший на столе у нас в гостиной; она развернула и прочла: „О, моя юность, о, моя свежесть“... и залилась слезами. Поразительно

---

[1]) Письмо П. А. Кулиша к Н. А. Белозерской. „Р. С.“, 1887 г., III, 708—709.

[2]) С. Т. Аксаков. „История моего знакомства с Гоголем“. „Р у с к. А р х.“, 1890 г., X, стр. 34, 35, 65, 67, 68.

было видеть, как по наружности молодая, прекрасная и свежая женщина оплакивала увядшую юность и свежесть своего сына“ [1]).

Впечатления Аксаковых совершенно сходятся с впечатлениями Кулиша и дополняются ими. Очевидно, это были общие и бесспорные впечатления, выразившие действительную сущность личности матери Гоголя. Печатаемые здесь письма ее только подтверждают и усиливают их.

Вот что писал Кулиш через 20 лет после смерти М. И. Гоголь: „Моложавость матери Гоголя поражала меня не раз, особенно в тех случаях, когда религиозное, человеческое или материнское чувство заставляло ее сердце биться сильнее. Черты ее лица были неуловимы для живописи. Все портреты Марии Ивановны не похожи на нее. В моих воспоминаниях живет она такою, какою видел я ее в одно из моих весенних впечатлений. Под‘ехав рано утром к Васильевской усадьбе Гоголей, отправил я лошадей к дому, а сам прошел знакомой калиткой в сад. Передо мною открылась аллея роскошно цветущих вишен и по ней шла навстречу мне легкой поступью дама в легком крапчатом платье. Это была Мария Ивановна, помолодевшая до неузнаваемости. Следы былой красоты проступали на ее лице и в сияющих глазах, гармонируя с цветущими кругом вишнями, блестящим в крупных каплях росы солнцем и соловьиной песнью, вечно говорящей нам о молодости с ее незаменимой ничем поэзией. Изображая свою незабвенную Пульхерию Ивановну, Гоголь маскировал дорогую личность матери и в свои вечно живые краски подмешал трогательного комизма. Сквозь милые черты его „Бавкиды“ проглядывает образ пленительной в своей неизвестности женщины, первой и последней любви, первой и, может быть, единственной вдохновительницы поэта“ [2]).

Нарисовав этот образ, старый писатель, биограф и историк, многое и многих видавший за свою долгую жизнь, не усомнился назвать мать Гоголя „лучшей из известных ему женщин“, а посылая ей новые книги, он писал М. И. Гоголь: „Вы теперь имеете чтения довольно. Недостает только чтеца.

---

[1]) Там же, стр. 67, 68.

[2]) Письмо П. А. Кулиша к Н. А. Белозерской „Р. С.“, 1887, III, 708 и 710.

Но погодите: вот я скоро совсем состареюсь, так что мне только и нужен будет тихий уголок в вашей Васильевке. Тогда я с восхищением буду исполнять при вашей особе эту должность, как исполняют ее некоторые при императрицах"[1]).

Ни одна из матерей русских писателей не удостаивалась такой хвалы и славы: и то, что эта хвала исходила от биографа ее сына-писателя, придает ей особую, непререкаемую значительность.

С. Дурылин.

---

[6]) Письма П. А. Кулиша к М. И. Гоголь (1859—61 гг). „Чтен. в общ. Нестора летописца", кн. XVI, вып. IV, Киев, 1902 г, стр.. 108.

ПЕРЕПИСКА
Василия Афанасьевича
и Марьи Ивановны
ГОГОЛЬ-ЯНОВСКИХ

1822—1825 гг.

1. 1822 г.

В. А. ГОГОЛЬ — М. И. ГОГОЛЬ.

Письмо твое другъ мой, безмѣрно меня обрадовало поздравляю тебя благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени и что ты родила дочъ а не сына, я етому не удивляюсь; ибо я прежде зналъ, что ты родишъ дочь, которую весьма къ статѣ назвать Татьяной дай богъ, чтобы ты скорѣе выздоровѣла, а я пріеду къ тебѣ непремѣнно въ четвергъ, къ которому ожидаютъ Андрея Андреевича за коимъ послали нарочнаго по случаю без надежнаго положенія Д. П.—пожалуста береги себя, въ нуждѣ поставъ клистиръ да пошли Федьку за кормилицей—пѣй ромашку и бога ради берегись простуды крестить можно будетъ попросить кого-нибудь изъ дѣтей Анны Николаевны; но объ етомъ поговоримъ за пріездомъ моимъ домой.

Сѣна намъ нужно оставить 5 скирдовъ и стогъ, а послѣднее продадимъ на своей ярмонкѣ. За казанъ рѣшу я самъ на мѣстѣ. Посылаю тебѣ разныхъ огородных семенъ, братъ Ольги Дмитріевны пріехалъ. Желаю и молю бога, чтобы ты скорѣе выздоровѣла. Твой вѣрный другъ

В. Яновскій

Посылаю тебѣ письмо полученное мною отъ прокурора, а такъже письмо отъ тетушки и отъ Гине.

2. 1825 г.

В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКИЙ—М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ.

Выехавши изъ дому принужденъ я былъ ночевать въ Яреськахъ, а от туда въ понедѣльникъ пріехалъ въ Кибинцы, хотя съ большой нуждою; но благополучно—здѣсь всѣ здоровы и веселы—Я сей часъ послалъ отца Емеліяна съ письмомъ къ

Голованеву договорить тамъ для себя квартиру—для чего и нужно мнѣ для тамошняго прожитья прислать изъ дому разных припасов—а естли бы возможно то и повара—о семъ приложу особую записочку по возвращеніи от: Ем: изъ Лубен, а теперъ прошу тебя приказать прикащику 1/е чтобы берегъ плотину въ случаи наводненія 2/е что бы на прудах откривали духи, чтобъ не задохлась риба 3/е естли тепло будетъ и время позволитъ людямъ, то поньмать риби на прудахъ, а именно брать среднѣй величины карасей и щукъ да мѣлкихъ плотокъ и окуней. Не брать же короповъ, самыхъ больших щукъ, окуней, плотокъ и карасей — а такъ же и пс^ю^~и~льской рыбы. 4/е въ борки на сорокъ святыхъ послать продавать всехъ воловъ бракованныхъ и продать всенепремѣнно за что бы ни случилось — въ Миргородѣ же скотъ ни почому. 5/е естли еще дорога позволитъ, то тѣ дубки я велелъ вырубить въ стѣнкѣ, сложить тамъ или доставить въ Яреськи на дворъ къ батюшкѣ; ибо мы за домъ уже сошлись такъ же нужно туда навозить хворосту колья и прочего, но ето можно и послѣ. дрова изъ стѣнки перевозить для валянья суконъ. 6/е посылать надобно за сукнами ибо оттепели начинаются. Прилагаемую при семъ выписку изъ письма Кутозова доставъ Г. Климен-камъ.

Естли тебѣ не очень нуженъ Остапъ, то не худо бы его прислать ко мнѣ въ лубны, а артема я отправлю домой ибо онъ меня только сердитъ, естлиже тебѣ необходимъ остапъ, то пришли съ означенными вещами Федьку Сапожника, который и замѣнить мнѣ артема.

Прикажи еще прикащику, что бы къ ярмонку нашему доставлена была изъ Яресекъ горѣлка, что бы здѣлана була ятка и прочее. Загоны нанимать москалямъ тѣ, что около снѣсара около симонихи и около Федьки.

Я далъ домнѣ спрятать порохъ — сей порохъ, какъ скоро откроется весна и налетятъ въ яворивщину гайвороны, то дать Ходосу и снѣсару чтобы они до тѣхъ поръ тамъ стрѣляли пока выгонятъ гайвороновъ оттуда.

Естли послалъ прикащикъ въ яреськи пильщиковъ, то рѣзать дерево на доски толщиною въ полтора вершка а тоньше на шалевку.

назначенные на продажу молодые быки нужно повыучить и продавать на лигачахъ, подобравши по шерстямъ и по росту

по парно—а продавать от 28 до 48 ср. пару смотря по быкамъ. Покуда съ Голованевымъ посовѣтуюсь за твой кашель посылаю на первый случай грудной чай который пить какъ и прочіе травки можно и съ бузиновым сокомъ.

Получивши отъ цюревского деньги тотъ часъ отправить въ Полтаву подушные и за вычистку колодязя.

3.

М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКАЯ—В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОМУ.

Посылаю тебѣ повара съ прописанными тобою вещами, а я обойдусъ какъ небудь ибезнего. Преказчику прочитала все твое предписаніе и онъ обѣщалъ все исполнять; такъ же ходосу и тымошу. Цюревскій денегъ неотдовалъ и не знаю какъ скоро отдастъ потому что онъ въ Миргородъ на ярманку не ездилъ. Посылаю записку чево и сколько посылается въ Лубны къ тебѣ, я слышела отъ антошки что Голованевъ несовѣтуетъ теперъ тебѣ лѣчится довесны но покрайнѣй мѣри сколько небудь укрѣпить надобно тебя дотого времени. Я травку присланную тобою пью но она мнѣ ничево непомогаетъ—теперъ уменя въ комнатахъ очень тепло, ихъ вымазали такимъ манеромъ какъ въ книги написанно и выходитъ чрезвычайно, ни гдѣ недуетъ въ стѣны, полы перемостили и все вездѣ хорашо, чисто, тепло, но безтѣбя ни чево меня не веселитъ ужасная грусть снѣдаетъ меня, ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ тебя извѣстія съ Лубенъ. Федька нашъ выздаравлеваетъ уже ходитъ ноги его одтухли только я запретила ему на дворъ выходить такъ же и всѣ бывшіе больніе выздоровливаютъ.— дѣти наши благодаря бога здоровы и веселы. Пришли мнѣ пожалуста чернилъ съ кибинѣцъ совсѣмъ нѣчимъ писать авъантошки такое—что никакъ нельзя писать: да не забудь отдать деньги за мое лѣкарство кому слѣдуетъ 4 ру. 50 ко.—посылаю тебѣ отвѣтъ навыписку которую я послала к семену федоровичу ионъ думалъ что ты дома иотвѣчалъ къ тебѣ домой неспросилъ прежде человѣка и потому незапечатанно. Колодязчики еще неявлялись, ты велѣлъ борковского привезсти но онъ началъ говѣть ивелѣлъ въ воскресенье приехать занимъ то я въ мѣстѣ съ поваремъ и провизіей, ипосилаю за нимъ. Прошу тебя мой другъ узнай тамъ удокторовъ что дѣлать агафіи унее должна быть сильная про-

студа и притомъ испугъ какъ дитя ее заболѣло то она безпамяти перепугаласъ иунее съперва здѣлаласъ лихорадка а теперъ говоритъ и нѣтъ, ношумъ въ головѣ ипотѣетъ поминутно такъ какъ водой облита аособливо ночью и очень ослабѣла апетиту неимѣеть совсѣмъ я подозрѣваю что унее есть итеперъ лихорадка только нетруситъ и ужасная таска притомъ, карашо какъ бы ты прислалъ ей ликарства. Что тутъ делать съ етой погодой такой холодъ и вѣтиръ съ метелью что не (с)вѣта невидно когда завтре неперестанетъ тонезнаю какъ и людѣй посылать, тогда какъ антошку приказчикъ боялся посылать то было при метели тепло, а теперъ холодъ ужасной, — но я рѣшаюсъ посылать когда завтре приказчикъ меня неуговоритъ и запечатую къ тебѣ сію анцеклопедію мою.

Дай богъ чтобыты былъ совершенно здоровъ какъ можно скорѣе, яже пребуду покуда жива вѣрнѣйшимъ твоимъ другомъ, Марія Яновска.

4.

М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКАЯ—В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОМУ

9-го марта.

Я получила мой другъ твою записку съ письмомъ къ семену федоровичу которое къ нему иотъправила, и черезсего жъ посланного съ бузовы человѣка отвѣчаю къ тебѣ — первое чтобы ты обо мнѣ небезпокоился а берегъ бы сколько можно свое здоровье 2-е что сей день возвратилисъ наши люди съ ярманки и продали 7 быковъ, шесть по 40 ру. а за одного больного 30 ру. итого всѣхъ 270 ру. брянской купецъ Никрасовъ купилъ акромѣ его говоритъ микола нихтобы некупилъ, только все карбованцами. Люди говорятъ что онъ сказалъ когда будетъ унасъ то поговоря стобой можетъ сколько нибудь розмѣнять ибумажокъ, онъ и письмо къ тебѣ пишетъ которое и прилагаю здѣсь но внемъ о деньгахъ ничево непишетъ,— надобно еще знать послѣднюю цену закоровы, и тилицы небракованны аможетъ бы они икупили ихъ, приказчикъ проситъ что бы для него уступилъ пару какихъ онъ выбиретъ исмолодыхъ 6 паръ воловъ икакую ты длянего назначишъ цену, я говорила ему оназначенныхъ тобою цѣнахъ лучшіе 48 а хуже 28-мъ но онъ говоритъ что дорого онъ беретъ среднѣи какъ

говоритъ, мнѣ бы казалось и хорошо что бы он бралъ быковъ въ число своего жалованья такъ какъ теперъ наденьги такъ трудно. цюревскій поехалъ въ полтаву сей дѣнь продовать хлѣбъ но обѣщалъ внести деньги поприездѣ, пополученіи ихъ тотъ часъ отправитъ приказчикъ въ полтаву въ срокъ. Загоны такъ занесины снѣгомъ что никакъ нельзя очистить приказчить (!) говорилъ что одинъ какой то постарается очистить икои какъ удовлетворить згоньщиковъ въихъ нуждахъ.— У насъ сію ночъ обокрадина вѣтряная мельница по слѣду видно, что ночью приехалъ хто-то съ воронянщины иябы не знала осемъ какъ бы мнѣ несказала борисиха, призвавши приказчика я ему строго приказала отыскивать воровъ и поразнымъ розыскамъ сыскали одного пьяницу накоторого падаетъ подозрѣніе ионъ вчера пилъ унашемъ шинкѣ издругими двумя человѣками сказали что онъ козакъ атеперъ какъ онъ самъ говоритъ что господской изсороченѣцъ какогото дворянина которого фамилію я забыла теперъ его держатъ нацепѣ а завтра когда онъ проспится можетъ подробніе узнаемъ ишто будетъ извѣщу тебя прислучай, когда сыщутся воры тоя думаю надобно бы ихъ доставить въ судъ ты напишешъ мой другъ какъ поступить въ семъ случаи, въ прочемъ ето бездѣлица нотолько чтобы недать укаринится злу и что бы невздумали и поважнѣе што покусится какъ упустить сіе, ты вѣрно еще неполучил моего письма писалъ получинною мною записку что неупоминаешъ за повара ничево, вѣрно осю пору ты уже получилъ все что я тебѣ послала такъ же и иванъ елисеевичъ вѣрно приехалъ къ тебѣ итебѣ теперъ веселѣе, какъ бы я желала чтобы ты съездилъ въ лубны къ голованеву онъ бы тебѣ помогъ, до свиданья молю бога чтобы ятебя видила совершенно здоровоrо твоя навѣкъ

Марья Яновска

пожалуста прочтя сіе письмо мой милый и единственный другъ сожги я боюсъ какъ ты такъ бросишъ то хто небудь прочтетъ а я такъ наваракала что нежилалабы чтобы хто видилъ.

5.

В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКИЙ—М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ.

Благодарю тебѣ милой другъ мой за присылку мнѣ въ Лубны провизіи—меня весьма не утѣшаетъ то, что ты перемостила полы и прочее, я боюсь, что бы ты симъ не заразила и дворовыхъ заразительною болѣзнію, которая по словамъ другихъ такъ опасна какъ чума, мнѣ очень жаль, что ты не соглашаешся выехать изъ дому съ дѣтьми — А. М. и старики помѣстили бы васъ да и въ Кибинцахъ можно бы тебѣ быть безъ всякихъ затруднѣній я ввесь флигель одинъ занимаю — О! Какъ бы мы были щастливы вмѣстѣ.

Ежели жъ такъ уже, что ты рѣшилась быть дома то бога ради береги, что бы не допустить болѣзни водворъ; какъ скоро заболитъ кто отправлять тотъ часъ за дворъ и отнюдь не держать больныхъ въ дворѣ и не сообщатся съ больными, курить уксусомъ и пр: береженнаго и богъ бережетъ. Я боюсь, что бы и остапъ не былъ зараженъ; ибо слышу, что и косминенко павло болѣлъ—Агафія больна тою же самою болѣзнію, отъ которой никакихъ лѣкарствъ нѣтъ, — и потому надобно и отъ ихъ охранять себя—да еще я слышу, что ямы на мертвыхъ копаютъ очень мѣлко, отъ чего весною можетъ выйтить другая зараза; а потому прикажи что бы на тѣ могилы насыпали сверху въ аршинъ земли, когда начнетъ оттаевать. — Отецъ Иванъ за ето строго будетъ отвѣчать предъ начальствомъ, а потому и его предостереги. — артема я посылаю съ приказаніемъ что бы онъ безъ отлучно былъ при тебѣ для посылокъ и пр: а особливо онъ нуженъ будетъ во время ярмонки—мнѣ здѣсь хорошо но грудью ужасно страдаю, едва и спать могу. твой другъ

В. Я.

бога ради вели откуда нибудь собрать деньги и отправить въ Полтаву подушные

(На обороте письма: „Марьи ивановнѣ“).

6.

М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКАЯ — В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОМУ

Марта 14-го.

Какіе у тебя мой милой другъ мрачніе мысли, воображаешь себѣ что у насъ удеревнѣ заразительная болѣзнь, ичто бы мнѣ выехать съ такимъ сѣмействомъ къ нашимъ старикамъ или къ тетеньки, ну скажи, какъ можно увобеихъ сихъ домахъ помѣстить насъ, игдѣ, развѣ въ Кибинцахъ но и тамъ не выгодно совсѣми дѣтьми, вить ето не шутка поднятся с такой обузой и надобно по крайнѣй мѣри мнѣ рублей сто что бы обмундировать прилично въ такомъ домѣ кормильнѣцу акагда богъ дастъ то и другую а дома ихъ одияніе мнѣ ничево нестоятъ—посмѣшищимъ же людѣй я никакъ не хочу быть даеще и тогда какъ всѣ говорятъ идумаютъ что мы богаты а отскупости нехотимъ ничево имѣть и незнаютъ нашей иногда крайней нужды, но кагда бы боже сохрани въ самомъ дѣли была какая опасность тогда бы нѣчево разсуждать (о) выгодѣ аспасать себя, но у насъ благодаря милосердаго бога ниодной души нѣтъ больной, кромѣ агафія еще невыздоровѣла, и какъ мы приехали в домъ то нихтоже инеумѣръ кромѣ аврамовой дѣвчонки которой болѣзнь такъ была запущенна да после выезду твоего дитя годовое у Петриченка и больше никаво.— У сталяра же въ сѣмействѣ никого не было больного я распрашевала сынъ былъ только въ лихорадки ито боліе одного параксизма неимѣлъ, еще тогда какъ мы только приехали, намъ только увеличевалосъ все тогда такъ, иотнесносной погоды которая тогда свѣрѣпствувала теперъ же погода досего дня была прекраснѣйшая и ярманка началасъ у насъ съ середы. Приехали три хазяина скотиньщеков но брянскихъ еще нѣтъ, сей день приказчикъ продалъ пару воловъ за сто десять рублей небракованіе тобой, но он говоритъ что они негодятся дороботы а особливо одинъ говоритъ все въ работѣ ложился ионъ боялся что бы непропалъ даромъ, я ему сказала хорошо ли онъ сдѣлалъ что безтебя продалъ, насіе онъ мнѣ сказалъ я вамъ неврагъ истараюсь опользѣ вашей. пятдесятъ рублей бумажками взялъ и такъ у меня уже твоихъ денегъ 380 ру. Подушне отвезли иотдали до сроку за три дни цюревской отдалъ 60 ру. приказчикъ всякой день посылалъ къ нему итакъ

его загонялъ что онъ бросался въ полтаву, въ решетиловку, и въ будеща съ хлѣбомъ ивнесъ наконѣцъ. артемъ посыланъ былъ съ подушнымъ заплатилъ 56 ру. иквитацію привезъ, антошки нельзя было отъ ярманки посылать, Горѣлки у насъ 3 бочки дома, говорятъ будетъ наярманку. бродягу что поймали сороченского Мануйловича какого-то, отправили въ шишакъ въ волосное правленіе онъ непризнается, люди наши говорятъ ему что видали его въ шинкѣ тотъ дѣнь, и артемиха ему въ глазахъ говоритъ что онъ унее вечерялъ но онъ отвсего отъ пѣрается. — За коровы объявили послѣднюю цену по 40 рублей исказали безтебя нельзя уступить что цѣна назначинна, кагда же не дадутъ исей цены то можна будетъ идешевлѣе уступить, ятку вчера кончили севодня уже продают горѣлку. Загоны всѣ вычистили иотданны, асаміе лучшіе оставили для брянскихъ.—Чрезвычайно меня невеселить то что ты осю пору неездилъ къ Голованеву, авсе принимаешъ отъ никаша слабительніе, которіе кажется только онъ и умѣетъ составлять, аты знаешъ что Голованевъ тебѣ отнюдь несовѣтувалъ принимать слабительныхъ астарался укрѣплять тебя, аетотъ ивтакомъ слабомъ твоемъ положеніи здоровья какъ слышу опять заливалъ слабительнымъ иотчево тамъ очищать твои желудокъ когда ты всегда надиетѣ. Посылаю тебѣ билья покуда еще можна. Мнѣ кажется кагда неперемѣнится погода то будѣтъ совсѣмъ распускать, рыбу ловили нѣсколько разъ но ничево непоймали можетъ отъ того что на молодомъ мѣсяцы ещо завтра будутъ пробувать. — пора кончить, никакъ немогу къ тебѣ мало писать, лишонна щастія быть съ тобой вмѣстѣ то воображаю что разговареваю стобою ини на одну сикунду неостанавлеваюсъ подумать, ипотому то такъ нескладно ипишу, извени меня предъ Ольгой дми(триевиой), что непишу къ нѣй, устала уже, единственному благодѣтелю нашему скажи непремѣнное мое почтеніе; твой другъ М. Я.

И всѣмъ объяви мое усердное почтеніе.

7.

В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКИЙ—М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ.

Письмо твое другъ мой отъ 9-го марта получилъ я въ Лубнахъ 14-го, на которое спѣшу отвѣчать тебѣ 1-е что Голованевъ оставилъ меня лѣчится у себя—сіе для насъ бу-

детъ весьма разорительно, но нѣчего дѣлать ужасные мои припадки заставили меня рѣшится остатся до праздника—2-е бога ради старайтесь собирать деньги; ибо мнѣ здесь много надобно. 3-е прикажи, что бы всенепремѣнно собраны были подушные деньги съ людей по прошлогоднѣй раскладкѣ съ штрафными, кто позже 17-го отдастъ, то съ рубля 4-ко; ибо въ казну отъ 15-го берутъ штрафъ. 4-е бога ради попроси брянского купца, что бы перемѣнилъ хоть половину денегъ, полученныхъ за волы на ассигнации. 5-е коровамъ цѣну положилъ я по 40 ср, но въ нуждѣ можно будетъ уступить и дешевлѣе не много—но надобно держатся, ибо коровы молодые и хараши и всѣ почти тельны—надобно просить по 50 ср. 6-е телицъ я теперъ не назначаю въ продажу—ихъ надобно продавать лѣтомъ. 7-е быковъ надобно продавать на лигачахъ—и лучше всего на шишацкой ярмонкѣ или и на своей; но отнюдъ не всѣхъ разомъ—а взять сначала худшихъ 2 пары, когда продадутся, тогда еще 2 пары, и такъ далѣе—всѣхъ же на ярмонку отнюдъ не выгонять и никому не показывать лучшихъ, пока не продадутся худшіе.

NB: прикащикъ можетъ для себя оставить пару; но не брать ихъ до моего пріезду и личному осмотру—я самъ ему назначу цѣну—ежели онъ продастъ прочихъ харошо, то уступлю ему дешевлѣе.

8-е вора представить при объявленіи въ Миргородскій нıжніи земскій судъ.

Твой вѣрный другъ нещастный страдалецъ В. Яновскій.

P. S. нехудо естли бы удалось продать на ярмонкѣ, хоть немного сѣна, рыбы и проса. прилагаемой при семъ пакетъ на (и)мя иларіона ивановича доставъ при случаи къ нему въ Полтаву при семъ прилагаю приказъ садовникамъ, нужно бы сложить изъ бракованого лѣса 2 хаты мужичихъ простыхъ до рабочего времени а я попріездѣ укажу мѣсто гдѣ поставить. Лѣса такого довольно въ Яреськахъ можно тамъ и сложить или же отобравши такой перевезти.

8.

В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКИЙ—М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОЙ.

Посылаю тебѣ яблукъ для печень отъ кашлю федоръ прок: не совѣтовалъ ничемъ его лѣчить, кромѣ травками грудными— послѣ ярмонки пришли ко мнѣ съ извѣстіемъ обо всемъ верхового, да пришли барашка и свѣжаго хорошого сливочного масла самой маленькой горщечокъ, да денегъ сребром рублей 20.

[Адрес: „Марьи Ивановнѣ Гоголь-Яновской въ деревню васильевку присемъ посылка въ трехъ бумажкахъ заверну(тая)"].

9.

М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКАЯ—В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОМУ.

Васильевка 14-го марта.

Я къ тебѣ отвѣчала на твое письмо съ кибинѣцъ писанное, но рѣшиласъ непосилать покуда ярманка некочется[1]), какъ подоспѣло и другое твое письмо съ лубенъ, я очень рада что ты лѣчишся уфедора прокофіевича инадѣюсъ набога что онъ тебя вылѣчитъ совершенно, о расходѣ же насіе лѣченье недолжно жалѣть, дѣньги нажитое дѣло, а здоровье драгоценное сокровище дороже всего на свѣтѣ ты ето больше всехъ чувствуешъ мой милой другъ.

Всѣ пункты прописанніе въ письмѣ твоемъ будутъ выполнинны кромѣ перемѣны у некрасова купца денегъ набумажки которой неприехалъ совсѣмъ къ намъ на ярманку и ярманка была хуже всѣхъ разъ я думаю отпогоды немогли нихто приехать черезъ голтву нельзя скоро переехать и теперъ съ большимъ трудомъ переехали кому необходимость была, съ Яресекъ даже нихто не былъ ижидовъ небыло.анны матвѣевны приказчика небыло она его отправила съ котомъ еще очень рано и писала чрезнего ко мнѣ но онъ отдалъ то письмо черезъ казака отъ тебя съ письмами ко мнѣ посланному которой ночевалъ на бузовой. Закоровы больше недаютъ как потридцати рублей незнаю сей день какъ приказчик комнѣ

---

[1]) Не кончится. С. Д.

еще не приходилъ а говорятъ что ярманка совсѣмъ разежается малинькихъ бичковъ вчера 2 пари съ худшихъ продали однѣ нашему шлапаку (?) [1]) продавшему свои воры по неспособности приказчикъ самъ говоритъ за 25 ру а другую стороннему за 28 ру и 80 ко. и 15 ру бумажками, сейчасъ приходили комнѣ скотинщики торговатся за коровы чтобы я што-небудь изъ тридцати рублей упустила и на серебро такъ я имъ сказала что нехочу ислышеть а когда хотятъ изсорока что небудь можна выпустить съ тѣмъ чтобы хотя половина была бумажокъ истѣмъ они и ушли отъ меня сколько теперъ у насъ набалкахъ воды такъ ето ужасъ, топятца бѣдніе люди съ ярманку да перееждаютъ батюшкины люди приводили скотъ продавать иотсюдова в хуторъ никакъ немогутъ переехать черезъ балки; за сукнами антошка ездилъ ноговоритъ нихто нидаетъ аобѣщаютъ сами привозить, валить уже начали сукна. агафія слава богу выздоравлеваетъ.—придоувѣдомляю тебя мой милой другъ что кагда богъ разрѣшить меня отбремени то я къ тебѣ пошлю дать знать икагда небуду писать то нетревожса инеподумай что отъ опасности какой въ моемъ здоровьи ане харашо тогда мнѣ очень писать, я съ большой нуждою ипрошлой разъ могла написать чтобы тебя успокоить, беречъ же я себя тогда знаю какъ, ты обо мнѣ нимало не заботся астарайса о своем выздоровленіи, ты пишешъ что до празника будишъ там апразник гдѣже ты будишъ принимать! когда недома, то я бы жилала что бы въ лубнахъ что бы неприревать лѣченья длятого только что бы ехать въ кибинцы атамъ будутъ бостоны, Ольга дми, комнѣ пишетъ что будутъ розянки напразники, иты себя можешъ опять растроить, я хотѣла было послать къ тебѣ санками что бы ипровизіи прибавить но ты пишешъ что бы верхомъ къ тебѣ послать, даможетъ уже инельзя будетъ саньми доехать что такъ распускаетъ. Къ Лариону я пошлю твое письмо тогда какъ буду посилать къ машеньки я ей готовлю посылку платокъ окоторомъ она пишетъ иеще коишто насей недели только я думаю достанется посилать верхомъ анеиначе. рыбы какъ на то наярманку ниодной непоньмали вся вьвершины ушла, а о горѣлки сѣнѣ иовсѣ я велю изъ готовить

---

[1]) После этого слова следует еще одно, написанное совершенно неразборчиво. Во всем этом месте есть какой-то пропуск со стороны Марьи Ивановны, отчего все место невразумительно.

тебѣ записку, сколько продано и приложу тутъ такъ же и за загоны что взято. —

посилаю тебѣ душа моя 20 ру. денегъ серебромъ требуеміе тобою. Кагдато мы стобой увидимся кагда бы богъ далъ что бы мы оба тогда были здоровы такъ же идѣточки наши всѣ окакъ бы мы были тогда щасливы! николи нашему надо био [1]) бы послать еще хотя десять рублей и я думаю что тамъ он очень задолжалъ аето его будетъ очень безпокоить написать же осемъ онъ теперъ не смѣетъ, (потому) что ты написалъ ему выговоръ что онъ тогда только ипишетъ когда денегъ нужно,— малютки наши всѣ слава богу здоровы и всякой день тебя вспоминаютъ даже Таня, так что заставляютъ меня думать что ты скоро домой приедешъ и еще одну пару быковъ продали среднихъ за 39 ру. и тѣмъ увесь нашъ торгъ кончился, завтра якъ тебѣ посилаю, и душевно обнимая тебя остаюсь навекъ тебѣ вѣрнѣйшимъ твоимъ другомъ, Марья Гоголь-Яновска.

Посилаю тебѣ свѣжего масла малинькой горщечекъ сливочного передотездомъ человѣка збитое и барашка.

10.

М. И. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКАЯ—В. А. ГОГОЛЬ-ЯНОВСКОМУ.

Усерднѣйше благодарю тебя милой другъ заяблуки они теперъ такъ рѣдки что ты бы поберегъ лучше для себя ихъ. Кашель мой началъ слава богу уменьшатся напиши мнѣ пожалуста отъкрились ли у тебя гимороиды артемъ мнѣ говорилъ что открылись немного но незнаю какимъ каналомъ мнѣ его неловко было распрашевать. До свиданья мой единственной другъ цалую тебя мыслѣнно безщотно разъ иостаюсь неизмѣннымъ твоимъ другомъ твоя Маня.

P. S. Я заденьги не сказала авраму что посилаю аположила въ узелъ тотъ что збильемъ спросишъ усавки кагда развяжетъ билье.

[Адресъ: „Василію Афанасьевичу“].

---

[1]) Было. С. Д.

ПИСЬМА М. И. ГОГОЛЬ
к Сергею Тимофеевичу, Ольге Семеновне и Вере Сергеевне
АКСАКОВЫМ

(1842 — 1859 гг.)

1.

(1842 г.) М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ.

Ноября 7-го.

Давно уже не получаю отъ васъ нистрочки Почтѣнная Ольга Семеновна! и незнаю ничего ниокомъ изъ моихъ знакомыхъ, отъ васъ только ипочтѣнной, Надежды Николаевны я имѣла сведѣніе обовсѣхъ. Здоровы ли ваши любезнѣйшіе дѣти бывшіе в болѣзни при отпускѣ вашего письма: какъ бы мнѣ пріятно было: узнать, что вы совсемъ милымъ симейством вашемъ находитесъ въ наилучшемъ здоровьи. Прошу вас покорнѣйше перидать мое почтѣніе Михаилѣ Петровичу съ любезной его супругой матушкой и сестрицей, и всѣмъ, кто меня знаетъ, иотправить прилагаемое при семъ письмо къ моему сыну, что бы его успокоить я пишу къ нему, что къ намъ приежжал изъ С. П. двоюродный братъ мой Андрей Андреевич! Трощинскій щитающій всегда меня зародную свою сестру потому, что я выросла в домі его матѣри амоей родной тетки привезъ намъ много хорошихъ вещей, икажется, что и всегда будитъ помогать намъ имѣя свои дѣла въ лучшемъ прежнего состояніи. Незнаетѣ ли вы теперъ Адреса къ моему сыну! мнѣ так совѣсно безпокоить перисылками моихъ писѣмъ надомно быть такому Ангелу! какъ вы, что бы терпѣть такіе хлопоты съ чужими дѣлами. Дитѣй моихъ ниодной издѣвицъ нѣтъ дома всѣ гостять въ разныхъ моихъ знакомыхъ выпросившихъ ихъ у меня которіе живутъ въ городахъ ина которыхъ я могу повѣрить как насебя, въ деревнѣ теперъ скучно въ такое мрачное время ия рада что онѣ немного разсѣются. Сей часъ получила изъ херсонского губернского правленія бумагу о моемъ

дѣли окоторомъ я васъ беспокоила, видно изъ Сената дѣланъ былъ вопросъ отчего такъ длятъ исполненіемъ по первому рѣшенію Сената въ мою пользу, ио сю пору неудовлетворина я, онѣ дѣлаютъ разные извороты и хотятъ здѣлать такъ, что бы мнѣ самой взыскивать слѣдуемые мнѣ деньги которыхъ уже набралось 12 тысячъ рублей съ процентами съ обвиненныхъ находящихся въ разныхъ отъ даленныхъ мѣстах, что можитъ продолжится во-всю мою жизнь, одинъ изъ нихъ недалеко отъ меня живетъ, имѣющей много дѣнихъ[1]) когда узналъ оплатижѣ штрафа то паехалъ въ Одесу совѣтуватся съ другими обвиненными какъ бы отдѣлатся, чтобы исовсѣмъ неплатить ничево, я вижу изъ дѣла присланного мнѣ довольно скоро что почтѣнной Сергѣй Тимофѣевичъ! дѣйствувалъ въ мою пользу въ Сенатѣ по проситѣ его иеще нельзяли такъ здѣлать что бы отъ казны были взысканы слѣдуемые мнѣ деньги, и что бы непринята была въ резонъ ихъ прозьба въ Сенатѣ, самая несправедливая, для того только, чтобы длить еще несносное дѣло которое я имѣю въ первой разъ въ моей жизни и то немною начатое инедай богъ мнѣ имѣть ихъ больше.

Прощайтѣ Почтѣннѣйшая Ольга Семеновна! умаляю бога оздоровьи всего семейства вашего иоспокойствіи вашемъ нащотъ его благъ, которые вѣрно богъ! пошлетъ навсе ваше симейство задобріе ваши дѣла и любовъ къ богу иближнему остаюсъ навсю мою жизнь преданной вамъ душой.

Марія Гоголь.

2.

(1843 г.) М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ.

Февраля 10-го

Благодарю васъ отъ всей души почтеннѣйшая Ольга Семеновна! за жиланіе ваше, очень увѣринна въ вашемъ комнѣ расположеніи, да благословитъ также ивасъ Господь и данаградитъ подостоинству вашему, въ это время я стакой надѣждой взываю къ богу! что увѣрина въ полученіи вамъ отъ него всего пожиланію вашиму. Отъ излишнихъ хлопотъ въ моей головѣ здѣлался какой то хаосъ, смѣшались всѣ идѣи, теперъ

[1]) Денег; „ѣ“ выправлено из „е“. С. Д.

припоминаю себѣ, что сынъ мой говорилъ мнѣ опечатаніи его книгъ в С. П. я забыла и вообразила себѣ въ Москвѣ, и тѣмъ боліе утвердилась въ этой мысли, что михайло петровичъ въ бытность свою у насъ увѣрялъ меня, что въ осѣнь или недаліе зимы, я получу непримѣнно деньги для уплаты проценту, и потому я рѣшилась напомнить ему отомъ и озаботила его в болѣзни, и приего занятияхъ онъ долженъ былъ писать в С.-П. посылаимое письмо, вотъ, что значитъ тревога душевная тогда человѣкъ совершенно теряется, ихватается запервою попавшуюсъ ему мысль. Богу! угодно было послать мнѣ помощъ тамъ гдѣ я никогда неожидала, нигдѣ немогла занять усамыхъ старыхъ хозяеновъ всѣ ужасно нуждаются, но соучинникъ моего сына Г. данилевской живущій отъ насъ в 50-ти верстахъ узнавъ о моихъ тревожныхъ хлопотахъ, написалъ убѣждая меня принять отнего денегъ сколько мнѣ угодно для уплаты недоимокъ, отьвѣчая наего письмо, сомнѣваласъ если у него столько денегъ сколько мнѣ нужно, какъ онъ прислалъ мнѣ всѣ сколько было нужно, и я вездѣ уплатила, испокойно ожидаю марта мѣсяца кагда я продаю сѣно, теперь оно у насъ недешево, кагда только непомешаетъ это время, у нас совсѣмъ нѣтъ зимы итакъ тепло какъ въ Апрелѣ мѣсяцы бываетъ, необыкновенное явленіе природы въ моей жизни, забываемъ даже что въ это время бываетъ снѣгъ иездятъ въ саняхъ, одного только боюсъ, что бы непомѣшало мнѣ выручить деньги для уплаты моему доброму кридѣтору теперъ когда я спокойніе, то кажится чевобы такъ хлопотать, почему бы неположится набога! онъ меня всегда спасалъ отъ всехъ бѣдъ иневоображать, что оцѣнятъ частицу имѣнія ипродадутъ, кагда другіе имѣя гораздо боліе недоимки не хлопочутъ, вѣрно боліе надѣются набога! а я грѣшная немогу ничево переносить равнодушно.

Да поможитъ вамъ Господь купить деревню безпрежнихъ хлопотъ. Завидую вамъ въ свиданіи съ Надеждой Николаевной ая немогу наслаждатся ее бесѣдой.

Отъ сына моего яполучила письмо изъ рима еще въ октябрѣ въ которомъ онъ поздравлялъ меня съ именинами, и просилъ меня небеспокоится когда нечасто буду получать его письма, что ему очень много и нужно писать, ноуже пора ему написать ия съ нетерпѣниемъ ожидаю его отзыва и комедій удивляюсъ, что онъ осю пору неприслалъ мне ихъ, какъ, то ихъ приймутъ, какъ онѣ появятся въ первой разъ въ светъ, подруководствомъ слав-

ного Артиста Щепкина. Мыслѣнно летѣла бы въ тіатръ, убѣдитѣльнѣйше прошу васъ почтѣннѣйшая Ольга Семеновна! написать мнѣ истинну какъ приймет публика.

Прощайтѣ Ангелъ Ольга Семеновна! да успокоитъ [1]) васъ Господь вовсемъ, совсемъ милымъ симействомъ вашимъ, исвидѣтельствую вамъ ипочтѣнному супругу вашему мое искренное почтѣніе пребуду навсегда вамъ истинно преданная.

Марія Гоголь.

3.

(1844 г.) М. И. ГОГОЛЬ — О. С. АКСАКОВОЙ.

Февраля 12.

Прошу васъ покорнѣйше отъ править письмо къ моему сыну, и прилагаемое присемъ дивицы Кардашевской которая такъ же проситъ васъ отправить его къ ее роднымъ.

Молю Бога что бы онъ даровалъ вамъ въ этомъ годѣ совершенное щастіе вовсемъ симействѣ вашемъ.

Какъ бы я жилала знать что свами дѣлается выздоровела ли ваша милая дочь Ольга Сергѣивна! Давно уже я неимѣла удовольствія читать ваши приятныя письма Почтеннѣйшая Ольга Семеновна! когда то я дождусь вѣрно вы непокойны что ненапишитѣ ни чево. Да утѣшит васъ Господь всѣми дѣтьми вашими я же пребуду навсю мою жизнь вамъ преданной и покорной коуслугамъ.

Марія Гоголь.

(Далее написано рукою Анны Васильевны Гоголь:)

И я также свидѣтельствую вамъ свое почтение, мнѣ кажется что мы будемъ когда нибудь такъ счастливы и увидим васъ, мы всегда съ восторгомъ о томъ думаемъ, Лиза теперь осталась въ Полтавѣ прогостить на масляную, завтра мы ѣдимъ за ней.

Очень много васъ любящая

А. Г.

Вашихъ милыхъ дочерей цѣлуемъ.

---

[1]) Переделано из „утѣшитъ“.

4.

(1844 г.) М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ

Августа 24-го

Давно уже янеимѣла удовольствія получать от васъ Почтеннѣйшая Ольга Семеновна! ни одной строчки очень бы жилала узнать успокоенныли вы выздоровленіем вашихъ Любезных дитѣй, мнѣ писала Надежда Николаевна что Константинъ Сергѣевичъ былъ болинъ дай богъ! что бы онъ былъ какъ можно скорѣе совершенно здоров ивсѣ ваши милые дѣти.—Прилагаю присемъ опять письмо къ моему сыну и прошу васъ покорнѣйше отъ править его покуда я получу отъего-Адрес Ижилая вамъ найлучшихъ благъ исовершенного здоровья Пребуду навсегда всей душой вамъ преданная

Марія Гоголь.

(Приписка рукою Анны Вас.)

Анетъ Олинька и Лиза вамъ свидѣтельствуютъ свое почтеніе. Цѣлуютъ Вѣрочку и Олиньку и извиняются что не пишутъ имъ, Надиньку, Любиньку, Машиньку и Соничку также цѣлуютъ,

5.

(1847 г.) М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ

Июля 31-го Васильевка

Душевно соболѣзную онездоровьи Любезнѣйшей дочери вашей Вѣрѣ Сергѣевнѣ! у ние вѣрно поднялисъ въ верхъ Гимороиды ета болѣзнь вомногихъ бывает илегко вылечиваютъ дай бог! что бы вы какъ можна скорѣе были утѣшинны ее выздоровленіемъ.

Благодарю васъ почтеннѣйшая Ольга Семеновна! за принимаемое участіе внашихъ дѣлах. Милосердой нашъ творецъ щедро награждает насъ хлебомъ иуже осю пору кагда неуспѣли большого количества приготовить цѣны унизились по полтинѣ на асѣгнаціи уже продается мука ржаная акагда совсѣмъ-соберутъ иизготовятъ то будитъ дишевлѣе стараются уплаче-

вать подати но я нежилаю продать теперь хлѣбъ прошу что бы потерпѣли онѣ знаютъ что замной никогда не оставалась недоимка я всѣ силы употребляла для уплаты, несщасные годы только лишали меня всѣхъ средьствъ къ уплатѣ когда бы можно заберечъ етотъ хлебъ много бы поправилосъ наше состоянье но я немогу пользуватся трудовыми деньгами моего сына и несказавъ ему еще объ етомъ мы намѣстѣ аему въ дорогѣ онѣ нужнѣе еще нашего придполагая такое дальнее путешествіе. Прощайте доброй другъ мой Ольга Семеновна! да обытаетъ навсегда сщастіе въ симѣйствѣ вашемъ я же пребуду вовсю мою жизнь вамъ преданной душой

Марія Гоголь.

Сергѣю тимофѣевичу мое почтенье милыхъ дитѣй вашихъ душевно обнимаю.

6.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ

1851-го Декабря 22-го С. Васильевка.

Отъ всей души благодарю васъ Почтеннѣйшая Ольга Семеновна запоздравленіе меня съ добрымъ моимъ зятѣмъ мужимъ Лизы моей кажится что ана будитъ щаслива если Богу будитъ угодно, придобротѣ своей онъ благородинъ, что можно видить вовсѣхъ его поступкахъ; дай Богъ и мнѣ васъ поздравлять сътакими же людьми для вашихъ Любезнѣйшихъ дочирей, отъ всего сердца жилаю вамъ радуватся видя ихъ всѣх щастливыми. — Мне нѣкогда скучать столько имѣю дѣлъ бездитѣй моихъ, лишбы они были здоровы, пишутъ, что Лиза все болѣет и это известіе наводитъ мнѣ грусть впрочтемъ имъ тамъ веселѣе чемъ въдеревни. Да утѣшитъ Господь васъ и почтенного Сергѣя Тимофѣевича вовсемъ: олинька моя свидѣтельствует вамъ свое почтеніе имыслѣнно цалует всѣх милыхъ дитѣй вашихъ такъ же и я идушевно обнимая васъ остаюсъ навсегда душой преданная вамъ

Марія Гоголь-Яновская.

7.

(1852) М. И. ГОГОЛЬ—С. Т. АКСАКОВУ.

Милостивый Государь
Сергѣй Тимофѣевичъ,

Да утѣшитъ васъ такъ Господь какъ вы утѣшили меня своимъ письмомъ и письмомъ къ друзьямъ моего сына, прикрасно написанномъ вами и присланнымъ его мнѣ напичатаннымъ, много миня обяжитъ если доставитъ мнѣ все въ отношенiи его къ вамъ и вообще, что вамъ о немъ извѣстно, все это будитъ целительнымъ бальзамомъ для мучительных ранъ моего сердца и зачто останусъ къ вамъ навсегда благодарною Ипокорною ко услугамъ

Марія Гоголь.

Мая 15-го
1852-го года
С. Васильевка.

Благодарю Васъ безцѣнная Вѣра Сиргѣевна, такъже и любезнѣшихъ Сестрицъ и братцовъ вашихъ за принимаемые участія ваши въ неизяснимом гори нашемъ, вы всѣ юные друзья мои останитесъ у моего сердца.—Прошу васъ описать все, что вы знаете о моемъ Ангелѣ, чемъ много меня одолжитѣ. Душевно бы жилала быть въ Москве, въ даниловомъ монастырѣ, и увидиться совсѣми друзьями моего сына, но незнаю какъ позволятъ мои обстоятельства исполнить это жиланіе, а дотого остаюсъ вся ваша

Марія Гоголь.

Анетъ моя написала было вамъ предлинное письмо атеперь уже непосылаетъ. Оли обѣ васъ и всѣх сестрицъ вашихъ Мыслѣнно цалуютъ.

8.

(1852 г.) М. И. ГОГОЛЬ—С. Т. АКСАКОВУ.

Милостивый Государь
Сергѣй Тимофѣевичъ,

Получа все отъ вас, что вы могли мнѣ перидать онашемъ Ангелѣ, приношу вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность,

никто невоображалъ, что бы вцвѣтѣ лѣтъ онъ могъ быть отнятъ отъ насъ Богомъ, точно надомно щитать неиначе какъ наказаниемъ Божиемъ потерю его, съ его всеобьемлющимъ умомъ, неограниченнымъ жиланіемъ быть полезным, ибудучи любимымъ Государемъ онъ могъ бы сдѣлать чудѣсные дѣла дляросіи если бы болезнь неприпятствувала занятиямъ его, но росія нетеряетъ имѣя такого попечительного Государя, только близкимъ его истиннымъ друзьямъ горько жить на свѣтѣ.—Какъ бы я желала видить васъ Почтеннѣйшей Сергѣй Тимофѣевич, можитъ Богъ приведетъ увидатся еще и въ этомъ мирѣ, благодарю Бога, что ваше здоровье поправляется, но очинь боюсъ заздоровье Степана Петровича лихорадка у него была осинью, итеперь когда бы его Богъ принесъ скорѣе къ намъ, мы бы употребили всѣ средства вылечить его, унасъ ихъ очинь много есть отъ этой болѣзни, трепешу лишится друзѣй моего сына которыми я дорожу боліе своей жизни. Жилая вамъ всего того чево вы сами себѣ жилаетѣ истаковымъ жиланіемъ останусъ къ вамъ вѣчно

Покорной коуслугамъ
Марія Гоголь

1852-го года
июня 28-го
с. Васильевка.

9.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ (1852 г.)

Октября 3-го

Письмо ваше я получила при свѣчахъ наканунѣ моихъ именинъ Почтенная Ольга Семеновна, очинь благодарна вамъ за нево и за поздравленіе миня со днемъ моего Ангела, а боліе за пофтореніе о ежеминутныхъ воспоминаній моихъ о моемъ сынѣ бывшей радости моей въ этомъ мирѣ.—Слава Богу, что вы всѣ здоровы, ия все еще существую наповерхности земли и тяжкая грусть неможетъ свести меня въ ея нѣдра, для чево то еще держитъ меня Господь, видно неисполнинна еще чаша страданій отъ поражающихъ меня ударовъ, дабудитъ его воля святая наднами, я все еще немогу плакать, кровъ все приливаетъ къ головѣ моей ия красна почти всегда,

замѣчаютъ что я похудѣла, но я не вижу никакой всебѣ перемѣны все также здорова, недавно я получила печатною брошюру биографіи моего сына которою уже вы читали вомногихъ мѣстахъ искаженную, жилала бы навсе возражать, но незнаю къ кому отвѣчать незная имени ни фамиліи приславшого ее, мнѣ очень грустно было читать такую небелицу.

Слава Богу, что вы всѣ здоровы, Почтенному Сергѣю Тимофѣевичу прошу обьявить мое искренное привѣтствие, всѣхъ Любезнѣйшихъ дитѣй вашихъ мысленнно цалую, васъ же душевно обнимая пребуду вѣчно преданная вамъ

Марія Гоголь.

10.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ. (1852 г.)

Съ душевнымъ удовольствиемъ берусъ заперо отвѣчать вамъ Почтенная Ольга Семеновна, на ваше приятнѣйшее для меня письмо, из Кагорлыка, имѣнія брата моего Андрея Андреевича Трощинского, куда пригласилъ миня сынъ его навѣстить отца находящагося присмерти, я отложа все поспѣшила выѣхать такъ какъ пристояло здѣлать 300 вѣрстъ инашла его въ предсмертныхъ страданияхъ, онъ меня узналъ но немогъ ничево сказать, и 26-го октября кончиласъ хроническая имногосложная его болезнь, инесмотря ни нашто онъ незабывалъ насъ исправно уплачивая проценты въ приказъ О. приз—[1]), куда заложино наше имѣніе и мы лишились внемъ и послѣднѣй подпоры, но дабудитъ наднами воля Божья, я сама уже умаляла его оприкращеніи его страданія.

Ожидая хотя немного поправленія дороги, чтобъ ѣхать домой съ моей Анетъ, мы теперь гостим у Лизы оставя печальный дворъ по уѣздѣ изнего молодого хозяина поразнымъ необходимымъ его дѣламъ, мнѣ хочется въ лѣтнемъ еще экипажѣ возвратится домой когда уймутся дожжи. Севодня начинаетъ прояснятся инеболіе какъ через 2 дня мы уѣдимъ.— Благодарю васъ усерднѣйше зарадушный приемъ моего Внука онъ писалъ мнѣ о васъ и о всемъ Любезнѣйшимъ Симействѣ вашемъ, вы вѣрно удивлины были увидя совершенного мужа

---

[1]) Общественного призрения. С. Д.

какъ летъ 30-ти 19-ти лѣтнего юношу, природа поставила его съ 15-ти летъ быть солиднымъ, мѣшала ему даже учится, будучи прилѣжинъ онъ дорожилъ и часомъ дня атутъ долженъ былъ брится въ дѣтскихъ лѣтахъ еще, что меня чрезвычайно удивляло, но иумъ его слишкомъ рано созрѣвалъ и можно было нанего во всемъ положится и говорить о чемъ угодно для него было понятно: будучи дитемъ ему очень хотѣлось какъ онъ говорилъ поиграть съ своими сверстниками но совистился вмѣшатся въ дѣтскіе игры имѣя необыкновенной ростъ, и дѣлался поневоли солиднымъ, и только въ свободные часы отнаукъ беспристанно читалъ събольшимъ наслажденіемъ сочувствуя всему изьящному.—Здоровье мое было все время въ растроенномъ положеніи, послѣ потери единственного моего сына я спокойно смотрѣла нато, но природа такъ комнѣ внимательна несмотря на мое къ ней равнодушіе, что борится съ недугами и прогоняетъ ихъ идѣлаетъ меня опять здоровую. Прощайтѣ добрѣйшая и много уважаемая мною Ольга Семеновна, изъ Василевки буду писать къ вамъ адотого свидѣтельствую вамъ Ипочтенному Сергѣю Тимофѣевичу мое искренное почтеніе и мысленно цалую всѣхъ вашихъ дорогихъ дитѣй прибуду навсегда преданная вамъ

Марія Гоголь.

Какъ бы я жилала знать чья рука усыпаетъ цвѣтами могилу м(о)его дорогого сына, ана должна принадлежать самому нѣжному сердцу, Внучекъ мой прислалъ мнѣ цвѣтокъ одтуда. Анетъ проситъ извенить что не можитъ теперь писать не здорова изъ Васильевки напишетъ

1852-го года

Мистечко Когорлыкъ

(Приписка рукою Ел. В. Гоголь (Быковой): „Владиміръ и Лиза свидѣтельствуемъ вамъ свое почтеніе").

11.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ.

Декабря 20-го (1852 г.)

с. Васильевка

Возвратясь домой по самой дурной погодѣ и дороги я заболѣла было рожей наногѣ, но все прошло только остается

нѣсколько слабость, съ сердѣчнымъ удовольствиемъ принимаюсъ за перо чтобъ поздравить васъ съ наступающимъ торжественнымъ праздникомъ Рождиства Христова ипожилать вамъ Почтѣнная Ольга Семеновна, совсѣми близкими сердцу вашему встрѣтить ипроводить его сщасливо, яже грѣшная вѣрно буду встрѣчать его невыкидывая ни на минуту измыслѣй драгоценного моего Сына. Прощайтѣ много уважаемая мною Ольга Семеновна, мыслѣнно душой васъ обнимая совсѣмъ добрымъ илюбезнѣйшимъ симействомъ вашимъ пребуду навѣкъ преданной вамъ

Марія Гоголь.

12.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ

1853-го года Апреля
12-го С. Васильевка

Анетъ моя писала къ Любезнѣйшей дочери вашей Вѣрѣ Сергѣевнѣ, о удивившемъ насъ письмѣ отъ скрывающего свое имя, рѣдкая благородная черта этой особы поразила насъ, помощъ его вомногомъ успокоила насъ, оставшиясъ часть казенныхъ и часныхъ процентовъ—уплочинны, боюсъ только если этотъ добродѣтельный человѣкъ небогатъ и притомъ симейный, что бъ нелишилъ себя чево нужного, если бы я знала куда къ нему писать, то умоляла бы его незаботится боліе о долгѣ моему сыну я увѣринна, что тогда онъ имѣлъ большую отраду помогая ему исъ трудовыхъ своихъ денегъ и невоображалъ о возвратѣ ихъ, а теперъ душа его довольна здѣланной помощей роднымъ его, этотъ незнакомой много уже здѣлалъ, что можно ему быть спокойну заостальной долгъ его о которомъ онъ пишетъ, изъ остальныхъ отъ процентовъ я еще раздѣлила навсѣхъ моихъ дитѣй на ихъ нужды, ни удасца ли вамъ Почтеннѣйшая Ольга Семеновна узнать какъ нибудь по времини скрывающую себя особу, такъ же и почтенному супругу вашему и написать, адотого прошу принять искренное мое поздравленіе совсѣмъ дорогимъ симействомъ вашимъ сънаступающимъ праздникомъ воскресенія Христова да пошлетъ вамъ Богъ встрѣтить его въ спокойствіи душевномъ и симейномъ сщастіи чего жилаетъ вамъ преданная душой

Марія Гоголь.

13.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ (1853 г.)

Христосъ Васкресъ,

Мысленно прижимаю васъ къ моему сердцу истинно васъ любящему Почтеннѣйшая Ольга Семеновна и отъ души благодарю васъ запоздравленіе меня съ рожденіемъ достойного моего сына, точно можно итеперъ поздравлять меня съ его рожденіемъ, онъ живетъ въ сердцахъ своихъ друзѣй и всѣхъ добрыхъ людѣй и мнѣ кажится, что онъ и со мной бываетъ неразлучно, потому что нѣтъ такого времени что бъ я обнемъ не мыслѣла и воснѣ мнѣ Богъ его показываетъ, и онъ мнѣ говоритъ „мнѣ здѣсь хорошо".—Какъ вы миня утѣшили въ этотъ торжественный праздникъ написавъ, что кто нибудь изъ вашего прекрасного симейства навѣститъ насъ проѣзжая въ крымъ, даже и въ нашемъ климатѣ будитъ для нихъ уже полезно, этимъ отраднымъ известиемъ вы миня оживили ия нестакимъ равнодушиемъ смотрю навсе миня акружающее: Молю Бога, что бъ онъ помогъ вамъ исполнить ваше жиланіе ѣхать въ крымъ и быть въ васильевкѣ.—Съ чувствомъ истинного моего къ вамъ усердія и любви поздравляю васъ совсѣмъ дарагимъ симействомъ вашимъ (с) праздниками которые у насъ проводятъ цѣлую неделю какъ одинъ день, дай Богъ, чтобъ вы всегда встрѣчали ихъ въ душевномъ спокойствіи и симейномъ щастіи. Мы теперъ въ полтавѣ послучаю перемѣщенія изнашихъ мѣстъ добрыхъ моихъ знакомыхъ которые упросили насъ приѣхать вчера мы приѣхали изавтра уѣзжаемъ

Душевно вамъ преданная

Марія Гоголь.

Апреля 24-го
Полтава.

14.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ (1853 г.)

Воистинно Воскресе,

Благодарю васъ безценная Ольга Семеновна, завашъ отзывъ, вы спрашиваете миня о моемъ здоровьи, оно слишкомъ хорошо, переживя моего единственного сына, сокровища моего на землѣ.

Весна началасъ у насъ сильными жарами апрель похожъ былъ на июль, адапалавины мая совсѣмъ противуположно, морозы мѣстами градъ, потомъ немного дожжа итеперъ умѣренная типлота. Вижу, что вы ненавѣрно ѣдитѣ въ крымъ, но ивъ Малоросіи климатъ нѣсколько похожъ натотъ, если бы вы могли или изъ вашего милого симейства кто нибудь приѣхать къ намъ, то кажится были бы довольны этимъ вояжемъ нащотъ здоровья.

Запрениску Любезнѣйшей дочери вашей въ вашемъ ко мнѣ письмѣ поздравляя меня съ праздникомъ отъ своего [1]) почтенного симейства вашего мыслѣнно душевно обнимая благодарю ее удивляетъ миня отъ куда берутся книги сочиненія моего сына, итакъ непомѣрно дорого продаются, я давно слышу, что онѣ вышли иихъ нигдѣ нѣтъ незнаю скороли дойдетъ письмо мое къ Государю когда онъ заграницей, и будитъ ли онъ такъ ко мнѣ милостивъ, что уважитъ мою прозьбу опозволеніи печатать труды моего Ангела.

Анетъ моя поѣхала въ Кіевъ засестрой своей взять ее съ сдитямъ домой потому, что мужъ ея получилъ маршрутъ выступить въ походъ, незнаю чемъ все это кончится. Лизы моей такъ наскучило оставатся втакомъ тревожномъ положеніи, что жилала бы рѣшительно знать да, или нѣтъ, можитъ опять очутятся въ неизвѣсности тогда Анетъ возвратится съ дивицей уѣхавшей съ ней, а женьщину отправленною мною оставитъ съ ней если случится выѣхать, зберечъ въ дороги ее и дитя если это будитъ нескоро, при маемъ горѣ еще такъ часто бываютъ неприятные хлопоты разного рода.—Прощайтѣ достойно уважаемая мною Ольга Семеновна, остаюсъ всей душой вамъ преданная

Марія Гоголь

Мая 18-го

[На первой странице приписано рукою М. И. Гоголь:]

Мы не смущалисъ аочинъ были благодарны почтѣннѣйшему незнакомцу нашему а только боялисъ, чтобъ не лишилъ себя нужного если небогатой исимейный и потому просили боліе не высылать.

---

[1]) Явная описка: от «всего». С. Д.

15.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ (1853 г.)

Июня 15-го

с. Васильевка.

Отрадно мнѣ было читать въ Приятнѣйшемъ для миня письмѣ Вашемъ добрѣйшая Ольга Семеновна, что память о моемъ Сынѣ неумретъ, мне кажится, что совреминемъ боліе откроется добрых дѣлъ его назимлѣ о которыхъ прежизни его никогда бы неузнали; да итеперъ развѣ необекновенной случай откроетъ что нибудь: внукъ мой писалъ мнѣ о догадки своей нащотъ незнакомца приславшого намъ долгъ свой моему Сыну, какъ онъ писалъ ия полагаю что долженъ быть та особа.—Лиза моя съ своей малюткой с нами, заней отправлялась старшая сестра и чуть было не утиряла ее изъ виду, по отъѣздѣ моей дочери въ Кіевъ я получила отъ другой письмо, что она уѣжжаетъ съ мужимъ въ походъ, онъ нехотѣлъ оставить ее одну, ия была въ большомъ страхѣ, что Анетъ ее ненайдетъ въ Кіевѣ. такъ и случилосъ, ненашедши никово она была въ большомъ горѣ узнавъ, что Лиза 3 дня какъ уѣхала въ м. Кагорлыкъ назимнюю свою квартиру уложить все иѣхать въ назначенное мѣсто ее мужимъ, аонъ туда изъ Кіева выехалъ въ тотъ день какъ приѣхала анет, послала своего лакея нанять лошадь узнавши въ лагери гдѣ онъ должинъ остановится и по щастію еще недалеко его возвратилъ посланный, онъ взялъ съ собой сестру съ нянѣй посланной мною его дочери, приѣхали въ Васильковъ куда Лиза черезъ 2 дня возвратиласъ, итакъ далика была ее мысль увидить сестру что глядя нaее неузнала ее, ожидала какъ она будитъ рекомендоватся жиной какого нового Афицера, итакъ она обратно уѣхала напочтовыхъ же, и Богъ меня успокоилъ нащотъ ихъ и доброму мужу ее будитъ легче заниматся однимъ дѣломъ не заботясъ еще иосемьѣ своей.—Въ маи и у насъ было холодно и морозы продолжалисъ нѣсколько дней, потомъ здѣлалисъ большіе жари изасуха, яровой хлѣбъ началъ пропадать озимой у насъ съ осени съѣдинъ червями и прошло-

годней на гумнѣ съѣдинъ мышами повсемѣсно, но богъ сжалился надлюдьми своими и далъ дожжи которые кажится поправятъ хлѣбъ.

Какъ жаль, что этотъ годъ не благоприятенъ къ отъѣзду въ крымъ Любезнымъ дѣтямъ вашимъ и мы лишины большого удовольствія ихъ видѣть.

Въ этомъ мѣсяцы послала я вамъ немного сушоныхъ вишинь черезъ купца торгувавшего зимою у нашихъ мѣстахъ, изъ Москвы онъ выѣжжалъ съ нагружонными повозками а отнасъ уѣзжжаетъ съ пустыми, ипотому охотно соглашается, что нибудь взять замалою для себя выгоду заовесъ его лошадямъ можитъ иу вашихъ деревняхъ довольно вишень, но непредумаю затакое короткое время послать чево лучшего, у насъ 2 года сряду неродили вишни по прежнимъ урожаямъ и потому посылаю добрымъ моимъ знакомымъ только по 30 фунтовъ такое же количество ивамъ почтенная Ольга Семеновна, я увѣринна, что человѣкъ этотъ исправно доставитъ всѣмъ только я незнаю Адресу вашего въ Москвѣ и въ деревню вашу далико ему ѣхать, ипотому я просила Степана Петровича доставить въ вашу квартиру въ Москве.

Прощайтѣ Любезная и добрая Ольга Сименовна, остаюсъ навсю мою жизнь преданной вамъ

Марія Гоголь.

16.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ

Декабря 12-го 1854-го
С. Васильевка.

Много благодарю васъ Почтенная Ольга Семеновна, запренимаемое вами участіе вовсемъ къ намъ относящемся, точно грусно мнѣ раставшисъ съ моими дѣтьми и внукомъ остатся съ одной Олѣй, но хлопоты какія я имѣю повсѣмъ предметамъ укрощаютъ время, Губернія наша навоенныхъ правахъ всегда надомно быть готову къ исполненію всѣхъ повилѣний ахозяйство наше въ совершенномъ бездействіи збыту нинашто, и все причиной эта гибельная война для всего рода людей, аросіи наиболіе всѣхъ потому, что почти всѣ противъ насъ, но покуда войска наши будутъ въ своихъ

предѣлахъ, то неопасно но если пойдутъ заграницу, то я очень боюсъ. Какъ нужно беречъ свою жизнь нашему великому полководцу Меньщикову. Да поможетъ ему вовсемъ Господь. За Лизу я теперъ спокойніе она съ добрымъ своимъ мужемъ въ Тераспол ѣ, мнѣ хуже было видить ее въ безпрестанной тривогѣ дома очень рада если мой Внукъ могъ сколько нибудь доставить вамъ удовольствія своимъ приѣздомъ, но для него было очень приятно прожить съ вами въ кругу Прекрасного симейства вашего, какъ то Богъ поможетъ ему въ его дѣлахъ, я просила С. П. Шевырева передать ему все для печатанія преэтихъ занятияхъ трудно еще и службой заниматся икакого она будитъ роду неизвѣсно еще.

Какъ вы добры дорогая Ольга Семеновна, что считаетѣ заодолженіе присланные вамъ бездѣлушки, Лиза послала вамъ постелу ая вишни боліе ничево немогла предумать лучшаго послать въ такомъ малинькомъ тарантасѣ да иопасно было какіе нибудь жидкости посылать, что бъ не разбили въ дорогѣ. Остаюсъ вся ваша М. Г.

P. S. Благодарю васъ Ангелъ! Вѣра Сергѣевна, за ваше вниманіе комнѣ я очень жалѣла, что немогла вамъ хотя такихъ малозначущихъ произведеній нашего саду послать гораздо въ большемъ количествѣ, но экипажъ моего внучка никакъ неуместилъ больше и то онъ довольно былъ обремененъ кромѣ его вещей понемножку кое какимъ моимъ знакомымъ.—Я нахожуся въ скуке ивъ безпристанныхъ занятіяхъ и все время летитъ ия съ нимъ. Почтенному Папинькѣ вашему прошу обьявить мой почтительной поклонъ всѣхъ вашихъ сестрицъ братцовъ и всѣхъ душевно обнимая остаюсь

Преданная вамъ

Марія Гоголь.

17.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ (1855 г.)

Воистинно Воскресъ!

Спѣшу отвѣчать вамъ истинно уважаемая мною Ольга Семеновна, благодаря Бога, что ваше здоровье поправилосъ, да не измѣняетъ оно вамъ никогда: Внукъ мой написалъ мнѣ, что исполнилъ поручинность Почтенного Сергѣя Тимофѣевича

мнѣ очень приятно если онъ здѣлалъ ему, что нибудь угодное; онъ мой голубчикъ и меня поздравилъ пришедши изъ церкви привѣтствуя Христос Воскресъ, хотя мнѣ инеприлично такъ выражатся о моемъ Внукѣноскажу истинну, что душа этого молодого человѣка исполниная благородства и доброты сердца, я душевно рада, что онъ окружонъ такими прекрасными людьми какъ ваше почтенное симейство ипротчими знакомыми моему сыну, онъ находится въ отличномъ кругѣ, въ глазахъ его не будитъ ничево кромѣ достоинства его окружающихъ, апослѣ я небоюсъ хотя бы онъ ивстрѣтилъ дурной примѣръ но непослѣдуетъ ему укрѣпясъ въ характерѣ: онъ всегда былъ отличной нравственности инеобыкновенного въ его тогда лѣтахъ благоразумія кагда онъ былъ 15 лѣтъ, то можно ему было поручить разные комисіи какъ самому солидному человѣку, а въ теперешних его летахъ можно положится вовсемъ; только одного нужно желать ему, это здоровья, которымъ къ нещастію онъ неможетъ пофалится.—Я незнала, что Иванъ Сергѣевичъ былъ свами, я полагала его все въ отлучки, но получа отъ коли моего, что онъ готовится въ ополченіе уже облекся въ форму той службы, мнѣ очень приятно, что они оба бывая въ Москвѣ навѣщаютъ моего внука душевно желаю что бъ они нигдѣ кромѣ той квартиры неостанавливались въ одной с нимъ комнатѣ.—Душой вамъ преданная

Марія Гоголь.

18.

М. И. ГОГОЛЬ—В. С. АКСАКОВОЙ (1855 г.)

Апреля 20-го

Благодарю вас безценная Вѣра Сергѣевна, за ваше милое письмо, извините, что неотвѣчала скоро нанего, и мы были въ одномъ сочувствіи съ вами нащотъ проѣздовъ и мы такъ же оставались какъ нанеобитаемомъ островѣ какъ ваша Почтенная мама пишетъ, но теперъ нестакой нуждой пробираются люди въ полтаву, благодарю за вашъ приятнѣйшій отзывъ о моемъ внукѣ—душевно желаю чтобъ онъ всегда заслуживалъ ваше вниманіе къ себѣ; ида наградитъ васъ Богъ замолитвы ваши и память о моемъ покойномъ сынѣ, я ошиблась и щитала уже 4 года въ разлукѣ съ сыномъ но выходитъ

еще 3 а мнѣ казалось целой вѣкъ. Получа роковое извѣстіе о смерти Государя Николая Первого, я была сильно встревоженна, тѣмъ боліе что небыла совершенно приготовленна неслыша о его болѣзни но тутъ же и прочла иоходѣ ее получа газѣты иманифестъ, и это событіе случилось въ такое еще тревожное для росіи время, номы будимъ休 поволѣ Господа нашего за эту потерю награждены настоящимъ нашемъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ даподастъ ему Господь щасливое царствованіе намногіе лѣта и да щасливетъ онъ своихъ вѣрныхъ потданныхъ и восторжествуетъ надвсѣми неприятелями росіи, надамно желать и просить Бога, чтобъ дружба и согласіе всегда существовали Государя съ Августѣйшимъ братомъ его, Константиномъ Николаевычимъ. Анетъ моя еще невозвратиласъ отъ своей кузины, ивъ мѣстѣ сней приѣдитъ въ концѣ этого мѣсяца, цѣлые полгода она не была дома, но благодаря Бога она тамъ пр(и)ятно провела зиму самое скучное для ніе дома время, мнѣ же нѣкогда было искучать за кучей разныхъ занятій остаюсь вся ваша

М. Г.

Душевно васъ и всѣхъ милыхъ сестрицъ вашихъ обнимаю такъже и Ольга моя.

(на первой странице приписано:)

У насъ въ саду зелень яркая и деревья начинаютъ одѣватся приятной зеленью но рѣдко бываютъ теплые дни больше пасмурныхъ и холодныхъ дней.

19.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ

1855-го года Августа 24-го

Двѣ нидели какъ Внукъ мой съ нами Почтеннѣйшая Ольга Семеновна, благодарю Бога за него, что онъ расположилъ къ нему всѣхъ добрыхъ людѣй и помогъ ему исполнить большой подвигъ для его лѣтъ.—Тяжело мнѣ было читать продолженіе Мертвыхъ душъ изъ найденныхъ въ чирнѣ въ его шкапу, т.-е. моего Ангела Сына, вообразя, что это было въ оконченномъ изданіи, какое бы это сокровище было для живущихъ на землѣ, мнѣ кажется, это было бы верхъ совершенства, но

такъ какъ смертнымъ не суждено достизать его, то инебыло допущенія къ тому; такъже какъ и пріѣзду вашему къ намъ, и мы терпимъ все неизбалованные щастіемъ.—

Этотъ годъ странно все въ преродѣ спѣшитъ, все прежде времени поспѣло иначинаетъ ощутительной холодъ иу насъ, должно быть у васъ еще замѣтніе это ощущеніе если перерода недѣйствуетъ наоборотъ, что сней случается.—Война дѣлается для насъ все тяжеліе, и тяжеліе но если Господь увѣнчаетъ ее щасливымъ для росіи окончаніемъ, то все забыто будитъ въ такомъ утѣшительномъ событіи. Если Богу будитъ угодно исполнить мое желаніе, то чрезъ полтора мѣсяца я обниму васъ въ Вашей деревнѣ въ 3-й ипослѣднѣй разъ мнѣ прейдется быть въ Москвѣ, но, какъ этотъ разъ рознится отъ прежнихъ двухъ моихъ пріѣздовъ! онъ будитъ къ собственному дому моего сына: адотого свидѣтельствуя вамъ ипочтенному супругу вашему мое искренное почтеніе идушевно обнимая все милое идоброе симейство ваше остаюсъ съ желаниемъ вамъ всего найлучшого въ мирѣ душой вамъ преданная

М. Гоголь.

20.

М. И. ГОГОЛЬ—С. Т. АКСАКОВУ (1857)

Милостивый Государь
Сергѣй Тимофѣевичъ,

Извинитѣ миня, что такъ долго не отвѣчала наобязательное письмо ваше, поздравляя меня съ праздникомъ и зажеланіе ваше происходящее отъ души истинно къ вамъ расположиной, взаимно ивасъ поздравляю съ прошедшимъ уже праздникомъ воскресенія Христова, ижелаю вамъ всего наилучшего въ мірѣ совсѣмъ почтеннымъ симействомъ вашимъ.

Начетырѣ уже письма неотвѣчала я пантелеймону александровичу—такъ была растроинна все время душой, что не могла выбрать спокойного часу отвѣчать иотъ ложила доприѣзда въ васильевку, и здѣсь нашла кучу писѣмъ, и теперъ спокойніе нѣсколько духомъ начала отъвѣчать на нихъ.— Прошу васъ покорнѣйше Почтенный Сергѣй Тимофѣевичъ, перидать Г-ну Кошелеву мою восторженную благодарность за обѣщаніе прислать мнѣ рускую бесѣду которую буду ожи-

дать съ нетерпѣніемъ.—Описеваемая вами погода застигла насъ надороги въ оптинную пустынь, когда мы выѣхали изъ деревни вольныхъ хлебопашцевъ гдѣ должны были встрѣтить праздникъ попречинѣ необыкновенной худой дороги по калужскому тракту какой въ жизнь мою неслучалось мнѣ видѣть, намъ бы гораздо лучше было ѣхать на тулу, но я желала принять праздникъ хотя въ оптенной пустынѣ когда неудалось въ Москвѣ къ большому моему сожалѣнію, въ тотъ день когда мы выѣхали изъ деревни былъ довольно тепелъ иясенъ дополудня, вдругъ здѣлался сильный вѣтиръ, потомъ митѣль, иснѣгъ покрылъ землю пресильномъ морозѣ, и мы должны были ночевать на 1-й станціи иблагодарили Бога, что очутились подъ какимъ нибудь кровомъ: къ щастію въ той диревнѣ гдѣ мы принимали праздникъ есть малинькій монастырекъ лютиковъ, мы напраздникѣ были въ церкви на другой дѣнь празника послѣ обѣдни выѣхали въ оптинну пустынь, и по прописанной пречинѣ немогли быть тамъ и на 3-й дѣнь празника только могли на обѣдню поспѣть, это было 9-го апреля въ день рожденія моего Внука, отправили молебенъ, но онъ ушолъ въ отвединную ему комнату и невыходилъ изніе до самого отъѣзда нашего, мы тамъ пробыли неделю, въ Кіевѣ такъже невыходилъ съ квартиры никуда хотя тотъ святой градъ очень ему понравился, проѣздомъ немного подоломъ икрещатикомъ, квартира наша была въ уѣдиненномъ мѣстѣ окруженная деревьями и соловьи какъ будто нарочно на перерывъ старались утѣшать моего бѣдного больного; туда прислали занами лошадей измѣстѣчка Когорлыка родственникъ мой Трощинскій и зять мой квартирующей тамъ въ ротномъ дворѣ мужъ Лизы Быковъ, имы прожели тамъ 2 нидели. — Какъ мнѣ жаль, что натакое короткое время я была въ Москвѣ, многовенна [1]) только взглянула навасъ и на почтенное симейство ваше, да напамятникъ моего сына воздвигнутый усердиемъ друзѣй его привосходно сдѣланный на немъ только разъ мною отправленна была панихида.— Въ Васильевкѣ мой Внукъ здѣлался спокойніе бываетъ въ церквѣ, что меня очинь утѣшаетъ, исъ удовольствіемъ читаетъ въ слухъ журналы игазеты севодня первой разъ получили молву.

---

[1]) Мгновенно. С. Д.

Прощайтѣ много уважаемый мною Сергѣй Тимофѣевичъ, свидѣтельствуя вамъ идорогой Супругѣ вашей мое искренное почтеніе имыслѣнно обнимая всѣхъ любезнѣйшихъ дитѣй вашихъ остаюсъ навсегда вамъ

Покорная коуслугамъ

Марія Гоголь.

Внукъ мой очень груститъ, что неначалъ служить по окончаніи наукъ, я его утѣшаю, что теперъ непоздно еще когда онъ укрѣпится всилахъ, но таска внемъ бываетъ невыносимая опрошедшемъ невозвратномъ времени, инезнаю какъ бы его поднять, такъ онъ упадаетъ иногда духомъ.

21.

М. И. ГОГОЛЬ—С. Т. АКСАКОВУ (1858 г.)

Милостивый Государь Сергѣй Тимофѣевичъ,

По прочтеніи приятнѣйшаго описанія дѣтства вашего пренимаюсъ теперь благодарить васъ за доставленіе мнѣ столько приятныхъ часовъ проведенныхъ мною при чтѣніи его, какъ мнѣ живо представилосъ имое дѣтство, и именно въ 3 года моего возвраста, не слыша ниодкого о томъ, икогда расказывала моей тетки фтарой матирѣ моей, у которой я оставаласъ съ 7-ми мѣсяцей съ кармилицей послучаю отъѣзда моихъ родителей въ росію, иона съ удивлениемъ говорила, что все было такъ; какъ тѣперъ гляжу навсе это, но что значитъ память безъ умѣнья передать все такъ интересно какъ вы передали всѣ ваши въпечатлѣнія читателямъ вашимъ истинно любящемъ вашъ расказъ. Какъ много знакомого находила я въвашемъ занимательном расказѣ отъ которого немогла оторватся доокончанія его. Читанные вами книги въ томъ возрастѣ, иные имнѣ были знакомы: Кадма и Гармонію я читала 14 лѣтъ вмѣстѣ смоимъ мужемъ послѣ вѣнца моего снимъ но я непомнила кѣмъ она изданна была въ свѣтѣ, иизвашей книги узнала, я щитала ее такой древностѣй, что почти допотопной, она видно взята была моимъ мужемъ для прочету,

ия ее попрочтенiи невидала у насъ, она возбудила во мнѣ какiе то чувства неземные, представляющиеся мнѣ приятнымъ сновѣденiемъ понаступленiи долговременной моєй жизни наполненной болїе гоpесными испытанiями чемъ приятно проведенными годами. И много изназванныхъ вами книгъ имною были читанны въ малыхъ моихъ лѣтахъ, дѣтское чтенiе я перечитевала въ 20 тэмахъ въ 13-ть уже лѣтъ, до 12-ти лѣтъ любимое мое чтѣнiе дѣтское училище, итамъ то я читала помѣщинною вами сказку расказеваемой вамъ клюшницей, подназванiемъ красавица извѣрь, и въ мѣсто алого цвѣточка, роза, назначенная купцу привезти младшей его дочерью; съ большим удовольствiемъ буду ожидать (зная доброту вашего сердца и расположенность вашу ко мнѣ по дружбѣ вашей къ моему покойному сыну) что вы обрадуете меня изданiемъ въ отрочискомъ нашемъ возрастѣ, и юношей, итакъ дальше: прочтя вашу хронику, я видѣла начало вашей жизни, имнѣ очень хотѣлось знать продолженiе ее, какъ вы познакомились въ домѣ родителей почтенной супругѣ вашей Ольгѣ Семеновнѣ, еще вамъ много предстоитъ бодрствувать имного издавать, чтобъ обьявить уважающей васъ публики исторiю всей вашей жизни, такъ интересно вами описываемой.

Извенитѣ меня предмного уважаемой мною супругой вашей, что такъ давно неписала къ ней, удрученная горемъ, что можетъ написать приятного? отъ избытка сердца уста глаголятъ. Прошу васъ покорнѣйше обьявить мое искренное почтенiе Ольгѣ Семеновнѣ, Константина Сергѣевича такъ много любившого моего сына, душевно обнимаю, такъ же ивсе почтенное симейство ваше желаю вамъ въ продолженiи жизни вашей радувatся ими идаставлять читателямъ много удовольствiя читать исторiю жизни вашей, въ ожиданiи чево остаюсъ съистиннымъ моимъ къ вамъ почтенiемъ

Покорная коуслугамъ

Марiя Гоголь.

Апреля 20-го
1858-го года
С. Васильевка.

22.

М. И. ГОГОЛЬ—О. С. АКСАКОВОЙ

Декабря 31-го 1859-го года С. Васильевка.

Наконецъ я имѣла большое удовольствіе, много любимая иуважаемая мною Ольга Семеновна, читать приятнѣйшіе строки письма вашего. Больше одного раза послѣ общаго нашего нещастія я не отзывалась къ вамъ почтеннѣйшая Ольга Семеновна, зная, что не могу васъ утѣшить, да и никто кромѣ Бога, за Константина Сергѣевича, я слышала все, идуша моя болитъ обнемъ, въ такомъ не утѣшномъ горѣ мы бѣдніе смертные забываемъ, что мы здѣсь въ гостяхъ апереселившиесъ дома, и что невѣчно же намъ быть въгостяхъ, мы приѣдимъ такъ же домой увидимъ своихъ сердѣчныхъ друзѣй чтобъ никогда не разлучатся съ ними авъ гостяхъ надомно быть Любезными, чтобъ доставить всѣмъ насъ окружающимъ пользу и удовольствіе, тѣмъ боліе еще близкимъ сердцу роднымъ.—Да утѣшитъ васъ Господь, и унесетъ нѣсколько время, горе ваше и превосходно прекрасного душой сына вашего Константина Сѣргѣевича, и всѣхъ дорогихъ дитѣй вашихъ: какъ бы я желала быть теперъ съ вами но безпокойные теперъ обстоятельства мои не позволяютъ и помышлять о томъ.—Вамъ угодно было знать дорогая сердцу моему Ольга Семеновна, что съ моими дѣтьми дѣлается опишу вамъ все, Лиза моя прожила съ нами въ васильевкѣ 2 мѣсяца совсѣми своими дѣтьми, потомъ приѣхалъ доброй ее мужъ ипрожилъ ещо недель 2 взявши свое симейство уѣхалъ обратно оставя помоей просьбе одного самого меньшого дитя съ кормилицей Владимира, которой къ нещастью все болѣетъ. Анетъ сомной въ это время а часто проживаетъ у своихъ приятельнѣцъ, Ольга недалѣко отъ меня живетъ но не утѣшаетъ меня все худѣетъ и боліетъ Внукъ мой Николай Трушковскій служитъ въ Полтаве въ канцѣляріи Губернатора и послѣ поѣдитъ въ С. П. и будет тамъ служить: благодаря Бога, онъ здоровъ просилъ меня представить его Губернатору, что бъ служить унево, ипросилъ налагать нанего побольше дѣлъ подолжности, записался въ клубъ ибываетъ всегда, занимаясь чтѣніемъ

иногда игрой на бельяртъ, авкарты не играет: бываетъ у нашихъ знакомыхъ но очень рѣдко скито [1]) тѣ нистараются угощать его дорожатъ очень имъ но жалуются, что никакъ не достигнутъ своего желанія, чтобы онъ часто бывалъ унихъ.

Заключаю эту дружескую записку поздравленіемъ васъ достойно-уважаемая мною Ольга Семеновна, съ торжественными праздниками рождества Христова и наступающимъ новымъ Годомъ съ наступленіемъ его да поддержитъ Господь и прекрасное симейство ваше драгоценное здоровье ваше о чемъ ия умоляя творца нашего остаюсъ съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ

Марія Гоголь.

---

[1]) Описка, вместо: „сколько". С. Д.

ПРИМЕЧАНИЯ.

I. ХРОНОЛОГИЯ ПЕРЕПИСКИ М. И. и В. А ГОГОЛЬ-ЯНОВСКИХ В 1825 г.

1-ое письмо В. А-ча относится к началу марта; 1-ое письмо М. И-ны писано до 9/III. 2-ое письмо М. И-ны, в котором она отвечает на недошедшее до нас письмо В. А-ча, писано 9/III; 2-ое письмо В. А-ча (в действительности, 3-ье) — писано до 14/III из Кибинец. 3-ье письмо М. И-ны от 14/III есть ответ на предыдущее письмо. 3-ье (4-ое) письмо В. А-ча — писано в Лубнах, 14/III. 4-ое (5-ое)—записка В. А-ча — была получена в Васильевке 14-го. 4-ое письмо М. И-ны писано также 14-го/III и отвечает на предыдущую записку В. А-ча. 5-ое письмо — записка Марьи И-ны — отвечает на письмо В. А-ча из Лубен от 14/III: она — последняя в их переписке: вскоре после нее В. А. умер, а незадолго до его смерти у М. И-ны родился ребенок — О. В. Гоголь (Головня).

II. К ПИСЬМАМ М. И. ГОГОЛЬ К АКСАКОВЫМ.

1. К ПИСЬМУ ОТ 10/II 43 г.

Письмо Н. В. Гоголя, о котором упоминает здесь М. И. Гоголь— „письмо из Рима, полученое к именинам в октябре“,— не дошло до нас. Факт его существования впервые устанавливается печатаемым здесь письмом М. И. Гоголь, несомненно, относящимся к 1843 г. Октябрь 1842 г. Гоголь проводил в Риме: оттуда он пишет Прокоповичу, пересылая для бенефиса Щепкина те самые „комедии“ („Женитьба“, „Игроки“, „Утро делового человека“ и др.), которыми так интересуется М. И-на (П., II, 218 — 220).[1]) После письма к матери из Гастейна от 19/VIII 1842 г. (П., II, 216) вплоть до письма от 1/X 1843 г. из Дюссельдорфа, Гоголь почти не писал к ней: за этот промежуток в целый год доселе было известно только об одном его письме к ней, до нас не дошедшем. О нем Гоголь писал Шевыреву: „пол-

[1]) Здесь и в дальнейшем—П.—обозначает „Письма Н. В. Гоголя“, ред. В. И. Шенрока, 4 т.т.

года писал и обдумывал я письмо к моей матери и сестрам. Трудно мне сочинение этого письма, трудно помышлять об устроении души другого, когда собственная душа не устроена" (из Дюссельдорфа, 6/X 1843: П., II, 349). Матери он тогда же (1/X 43 г.) так характеризовал это письмо: „ни одно письмо не было к вам в духе такой душевной любви, как это письмо" (П., II, 342). Это большое и трудно дававшееся Гоголю письмо, вероятно, принадлежало к числу тех, о которых его сестра Елиз. Вас. писала в неизданном письме к В. С. Аксаковой: „письма его вечно полны наставлений и выговоров" (10/XII 1845 г.). Если сестры Гоголя высказывали неудовольствие на моральные наставления Гоголя, то М. И. благодушно принимала их, и, наоборот, ее огорчали хозяйственные уроки Гоголя, которые она принимала за упреки ее хозяйствованию в Васильевке. Теперь мы несомненно знаем, что, кроме этого письма, которое было в руках Кулиша, не могло быть им напечатано при жизни матери и сестер Гоголя и которое не дошло уже до Шенрока,—Гоголь послал матери еще одно письмо из Рима, также не дошедшее до нас: его М. И. получила к своим именинам, т.-е. к 1 октября 1842 г. Оно, судя по словам М. И., содержало, кроме поздравления, предупреждение, что Гоголю „очень много нужно писать" и еще обещание посылки „комедий". Занятость Гоголя об'ясняется его усиленным трудом над подготовкой текста для издания 1842 г.: в это время печатался 4-ый том „Сочинений", где должны были впервые появиться „Женитьба", „Игроки" и др. драм. сцены.

2. К ПИСЬМУ ОТ 31/VII 1847 г.

„Дорога", предстоявшая Н. В. Гоголю, о к-ой пишет М. И., — путешествие Н. В. Гоголя в Палестину. Заграничный паспорт для него Гоголь получил 15/I 1847 г., но выехал из Неаполя лишь во второй половине января 1848 г. 22/I н/с он писал уже из Мальты гр. А. П. Толстому (П., IV, 162).

3. К ПИСЬМУ ОТ 3/X 1852 г.

„Биография", не удовлетворившая М. И. Гоголь, это, надо полагать, отдельный оттиск статьи П. А. Кулиша: „Несколько черт из биографии Гоголя", под псевдонимом „Н. М." напечат. в „Отечест. Запис.", 1852 г. № 4, стр. 189—201. Тщательно следя за всеми статьями о Гоголе, появлявшимися в журналах и газетах 50-ых гг., М. И., неудовлетворенная ими, набросала в письме к С. Т. Аксакову ряд заметок своих к биографии сына („Из воспоминаний матери Гоголя". „Соврем.", 1913 г., № 4).

4. К ПИСЬМАМ 1853 Г. ОТ 18/IV, 18/V и 15/VI

Присылка неизвестным лицом 1000 руб., встреченная с такой признательностью доверчивой Марьей Ивановной, была очень неприятна старшей сестре Гоголя, Анне Вас-не, к-ая писала В. С. Аксаковой: „Может быть, это какой-нибудь небогатый человек,.. и что̀ за идея: платить нам; если брат и давал, так ничуть не с тем, чтобы ему возвращали, притом же он и не мог так много давать; это меня очень беспокоит; или, может, кто-нибудь полагал, что мы нуждаемся, и вздумал помочь нам под этим предлогом; во всяком случае это очень неприятно" (неизд. письмо от 24/III 1853 г.).

В семье Гоголя делалось много предположений, кто мог быть лицом, приславшим эти деньги. О. С. Аксакова писала М. И. Гоголь по этому поводу: „Слава богу, что есть люди, помнящие добро; мы решительно не знаем, кто это такой, но станем справляться при всяком возможном случае“ („Пам. Гог.“, Киев, 1902, стр. 70). В конце июля 1853 г. выяснилось, что это был М. П. Погодин.

Деньги были немедленно отосланы ему назад, и А. В. Гоголь писала В. С. Аксаковой: „Кажется, рассердился на нас Погодин за то, что мы ему возвратили деньги, которые он нам прислал без всякого предваренья, с тем, чтоб легче ему отдать все, что осталось после брата“. (Неизд. письмо, от конца июля 53 г.). Предположение А. В. Гоголь о цели анонимной присылки денег Погодиным совершенно точно; под этот таинственный „аванс“ Погодин хотел залучить к себе оставшиеся после Гоголя рукописи для печатания их в „Москвитянине“. Его приятель Шевырев, в 1852 г. побывавший в Васильевке и много хлопотавший об издании посмертных сочинений Гоголя, писал Погодину, узнав о присылке им денег: „Сожалею очень о том, что ты, не сказав мне ни слова, решил сам послать тысячу руб. сер. Марье Ивановне. Я никак не мог думать, что ты до того прострешь скорость свою... Твое предложение и необдуманно, и неделикатно — я должен тебе сказать искренно... Марья Ивановна от имени дочерей своих через меня отвечала тебе самым деликатным образом *), а ты, в ответ на ее деликатность, лезешь к ней с тысячью р. сер. и хочешь, точно насильно, отнять статьи. Как же это ты решил, что все бумаги Гоголя, по смерти его оставшиеся, стоют только тысячу руб. сер. и что ты можешь из великодушия прибавить еще что-нибудь. (Барсуков. „Жизнь и труды Погод.“, т. XII, стр. 10—11). Возвращая Погодину деньги, мягкая и приветливая Марья Ивановна писала: „спешу отвечать вам и благодарить вас за принимаемое участие в делах наших; но так как дела детей моих уже устроены Степаном Петровичем, то посылаю обратно ваши деньги“. (Там же, стр. 11).

5. К ПИСЬМУ ОТ 1853 г. 18/V

Еще в 1850 г. Гоголь задумал 2-ое издание своих сочинений. Как видно из наброска предисловия к этому изданию, оно должно было состоять из 4 томов, включающих художеств. произведения, к которым должен был быть присоединен впоследствии V-ый том, заключающий в себе „Выбран. места из переписки с друзьями“, несколько статей из „Арабесок“ и кое-какие неизданные сочинения так, чтобы V-ый том содержал в себе „почти все его теоретич. понятия, какие он имел о литературе и об искусстве и о том, что должно двигать литературу нашу“. Предполагал Гоголь со временем издать еще и VI-ой том, в который должно было войти „все прочее“ под именем „Юношеских опытов“. В 1851 г. Гоголь энергично принялся за печатание первых 4-х томов; чтобы дело шло быстрее, они печатались в 3-х типографиях сразу, и ко дню кончины Гоголя, в феврале 1852 г., было уже отпечатано по 9 листов I и II томов, 13 листов—из III и 7—из IV тома. Смерть

*) О разрешении опубликовать в „Москвитянине“ кое-что из литературного наследства Гоголя.

Гоголя оборвала печатание. Оно не могло быть продолжено наследниками, так как заведующий печатаньем С. П. Шевырев „получил приказание остановить издание его сочинений вплоть до разрешения начальства" („Записка о печат. сочин. Гоголя" Шевырева, от 7/V 1852 г. в сб. „Памяти Гоголя", Киев, 1902 г., стр. 61). В 1853 г. семья Гоголя ходатайствовала через попечителя Моск. учеб. округа В. И. Назимова перед министром народ. просв. А. С. Норовым о разрешении продолжать печатание: „новое издание оказывается необходимым,—писал Назимов министру,—потому что литерат. труды покойного Гоголя составляли единств. достояние его семейства" („Рус. Ст.", 1882 г., т. 23, № 2, стр. 482). Как видно из впервые печатаемого письма М. И. Гоголь, она обратилась с ходатайством о том же непосредственно к Николаю I, а 29/VII 1854 г. В. С. Аксакова записала в своем дневнике: Трушковский, племянник Гоголя, „получил разрешение на продолжение печатания сочинений Гоголя, начатого еще им самим, которое было приостановлено после него из каких-то нелепых опасений" („Дневник", стр. 28). После смерти Гоголя был большой спрос на его сочинения, и издание 1842 г., став редкостью, продавалось по повышенной цене. В 1855 г. вышли 4 первых тома нового издания; в 1856 г. появились V и VI томы: в V-ый вошли статьи из „Арабесок", журнальн. статьи, „Развязка Ревизора", в VI—„Переписка с друзьями" и юношеские опыты.

УКАЗАТЕЛЬ К ТЕКСТУ ПИСЕМ.

А. М.—Анна Матвеевна, см. Трощинская, А. М.

Аврам — крепостной человек Гоголей. В 1826 г. он был посылаем в Нежин к Гоголю с провизией и обрадовал Гоголя рассказом про домашние дела (П., I,41).

Агафия — Агафия Семеновна Власенкова, „Гапа“, няня Н. В. Гоголя и его сестер. В письме из Полтавы (1820 г.) 11-летний Гоголь просит „поцеловать“ ее (П, I,8).

Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886 гг.), знаменитый публицист. В самом начале июля 1854 г. он посетил М. И. Гоголь в Васильевке а в конце июля вновь виделся с нею в Полтаве. („И. С. Аксаков в его письмах“, т. III, М. 1892 г, стр. 34—37 и 48).

Аксаков, Константин Сергеевич (1817—1860), поэт, историк, филолог, „трибун славянофильства“, ревностный почитатель и критик Гоголя.

Аксаков, Сергей Тимофеевич (1791—1859), знаменитый писатель. Познакомился с М. И. Гоголь в 1840 г.; в своей „Истории моего знакомства с Гоголем“ дал превосходную характеристику ее. Первый из друзей Гоголя отозвался на его смерть прочувствованным „Письмом к друзьям Гоголя“, написанном в Абрамцеве 6/III 1852 г. и тогда же напечатанном в „Московск. Ведом.“.

Аксакова, Вера Сергеевна (1819—1864), старшая из дочерей С. Т. Аксакова; она, по мысли и образованию, ближе всех была к братьям—славянофилам. Ей принадлежит известный „Дневник“ (1854—55 г.), СПБ, 1913 г. По просьбе М. И. Гоголь, ею написано замечательное письмо о последних встречах с Гоголем („Рус. Арх.“, 1890, № 8, стр. 196—98), опирающееся на подробные записи в ее записной книжке („Дневник“, изд. 1913 г., стр. 164—169). Она была в переписке с матерью и сестрами Гоголя.

Аксакова, Любовь Сергеевна (1830—1867 г.), одна из младших дочерей С. Т. Аксакова.

Аксакова, Мария Сергеевна (1822—1887), единственная из дочерей С. Т. Аксакова, вышедшая замуж (за Ег. А. Томашевского).

Аксакова, Надежда Сергеевна (1829—1869 гг.), дочь С. Т. Аксакова. Она научилась у Гоголя и Максимовича петь украинские песни, которые

ей высылали из Васильевки сестры Гоголя. Незадолго до смерти Гоголь звал Бодянского: „я в следующее воскресенье собираюсь угостить вас двумя—тремя напевами нашей Малороссии, которые очень мило Н. С. А-ва положила на ноты с моего козлиного пения; да при этом упьемся и прежними нашими песнями". (Барсуков, „Жизнь и тр. Погод.", т. XI, стр. 526).

Аксакова, Ольга Семеновна (1793—1878), урожд. Заплатина, супруга (с 1816 г.) С. Т. Аксакова. М. И. Гоголь познакомилась с нею в первый свой приезд в Москву, в 1840 г., и, сблизившись с нею во второй приезд в 1842 г., вступила в оживленную переписку. О. С. питала теплую любовь к Гоголю, который переписывался с нею. Кроме любви к Н. В. Гоголю, О. С. сближало с М. И. Гоголь многое общее в их положении: обе были хорошие хозяйки, матери многочисленных семейств, горячо интересовавшиеся литературною деятельностью своих сыновей. О. С., высоко ценимая Гоголем, была женщина строгого нравственного закала, большого ума и широко-отзывчивого сердца, энергичная строительница крепкого быта замечательной семьи Аксаковых. Ее отношение к матери Гоголя полно теплого участия и заботы.

Аксакова, Ольга Сергеевна, вторая дочь С. Т. и О. С. Аксаковых (1821—1861).

Аксакова, Софья Сергеевна, дочь С. Т. Аксакова. Она пропущена в родосл. росписи Аксаковых у Сиверса: „Генеалогич. разведки", вып. I. СПБ. 1913 г., стр. 91—95. Из всех незамужних дочерей Аксаковых она одна пережила мать, скончавшуюся в 1878 г.

Александр Николаевич, император (1818—1881).

Андрей Андреевич — см. Трощинский, А. А.

Анна Матвеевна — см. Трощинская, А. М.

Анна Николаевна — вероятно, помещица—соседка Гоголей.

Аннет — см. Гоголь, А. В.

Антошка — дворовый человек Гоголей. О нем Гоголь пишет матери из Петербурга (8/II 1833): „Очень благодарю вас за то, что приказали Антошке списывать сказки. Когда бы только он не умничал и не выбрасывал многого". (П., I, 239).

Артем — крепостной человек Гоголей. В письме от 2/X 1827 г. Гоголь спрашивает мать: „П. П. (Косяровский, двоюр. дядя Гоголя) пишет, что за Артемом последовали на поселение его жена и мать. Скажите: они выкупились, или вам за них заплатили,—особенно дети?" (П., I, 88).

Артемиха — крепостная Гоголей, вероятно, жена Артема.

„Батюшка" — Косяровский, И. М, (см.).

Борисиха — крепостная родителей Гоголя.

Борки — село в Зеньковск. у. Полтавск. губ., где была ярмарка 9 марта.

Будищи. В округе Васильевки было трое Будищ: 1) Лютенские Будищи, Зеньковс. у., 2) Стар. Будищи на реке Ворскле, близ Диканьки того же у., и 3) Больш. Будищи, Гадячск. у. Вероятно, здесь разумеются Стар. Будищи.

Бузовая — селение невдалеке от Васильевки.

Быков, Владимир Иванович (18?—1862), офицер, с 1851 г. муж Ел. В. Гоголь.

Васильевка, Яновщина тож — имение Гоголей, в Миргор. у. Полт. губ.; ранее называлось — Купчин хутор; дан был С. Лизогубом в приданое за дочерью Татьяной Васильевной, вышедшей за Аф. Дем. Гоголя.

Васильков — уезд. гор. Киевской губ.

Верочка — см. Аксакова, В. С.

Владимир — см. Быков, В.

Воронянщина — селение неподалеку от Васильевки.

Гоголь, Анна Васильевна — сестра Н. В. Гоголя (181?—1893). Она воспитывалась, иждивеньем брата, в Петербурге, в институте, а с 1840 г. жила с матерью в Васильевке. Шенрок почерпнул от нее немало сведений для своих „Материалов". Она была в переписке с семьей С. Т. Аксакова.

Гоголь, Василий Афанасьевич (1780—1825), отец Гоголя.

Гоголь, Елизавета Васильевна, сестра Н. В. Гоголя (182? — 1866), с 1851 г. замужем за В. Быковым. Вместе с сестрой Анной воспитывалась, стараньем Гоголя, в Петербурге, в институте. В 1840—42 г., по желанию Гоголя, жила в Москве у П. И. Раевской. Ей принадлежат воспоминания о брате („Русь", 1885 г., № 26). Она была в оживленной переписке с дочерьми С. Т. Аксакова; его отзыв о ней: „веселая и живая, была любимицей брата" („Ист. моего знаком. с Гогол.", М., 1890 г., стр. 26).

Гоголь, Марья Васильевна (1811—1844), старшая из сестер Н. В. Гоголя, была (1832—36 гг.) замужем за П. О. Трушковским. В 1825 г. она обучалась в Полтаве, в институте для благородн. девиц. По поручению брата, она в 1831 г. собирала для него народные сказки и песни (П., I, 190). О ней см. „Из семейн. хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни". Киев. 1909 г., стр. 8—10 и далее.

Гоголь, Марья Ивановна (1794—1868), урожд. Косяровская, мать Гоголя.

Гоголь, Ольга Васильевна (1825 — 1907), младшая сестра Гоголя; была в замужестве за В. Я. Головней. Вот отзыв Гоголя о ней: „у меня есть одна сестра, которая воспиталась сама собою в глуши. Языка иностранного не знает; но бог наградил ее чудным даром лечить и тело и душу человека. С семнадцатилетнего возраста она отдала себя всю богу и бедным". (Письмо к Шевыреву, 12/XII 1847 г. П., IV, 111). Ей принадлежат воспоминания: „Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни", Киев, 1909 г. О ней см. В. Чаговец. „На родине Гоголя". „Чтен. в Историч. общ. Нестора-летоп.", кн. 16, вып. I—III, Киев 1902 г., стр. 11—38.

Гоголь, Татьяна Васильевна, предпоследняя сестра Н. В. Гоголя, умершая в младенчестве (1822 — 1825); она получила свое имя в честь бабушки, Татьяны Семеновны Гоголь, урожд. Лизогуб, которая пережила своего сына и в 1825 г. завещала Васильевку любимому внуку Н. В. Гоголю и его сестрам. (см. ее завещание в сб. „Памяти Гоголя". „Чтен. в ист. общ. Нестора—летописца", кн. 16, вып. I—III, Киев, 1902, стр. 43—45).

Голованев, Федор Прокофьевич, доктор в г. Лубнах.

Голтва — река в Полтавск. губ., приток Псла.

Д. П., Дмитрий Прокофьевич,—см. Трощинский, Д. П.

Данилевский, Александр Семенович (1809—1890 г.), ближайший друг и товарищ Гоголя по Нежинскому лицею.

Данилов монастырь — в Москве, место погребения Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина.

„Детское чтение для сердца и разума", — первый русский журнал для детей, издававшийся в 1785—89 гг. Н. И. Новиковым и составлявшийся Н. М. Карамзиным и А. А. Петровым.

„Детское училище"—одна из первых русских детских книг.

Домна — крепостная Гоголей.

Емельян, отец, священник в имениях Трощинских. Гоголь требовал от него этнографических сведений и записей народных песен. (П., I, 247, письмо от 1833 г.).

Иван, отец, — священник в Васильевке при церкви, построенной на средства В. А. и М. И. Гоголь-Яновских.

Иван Елисеевич — вероятно, один из помещиков-соседей Гоголей

Иван Сергеевич — см. Аксаков, И. С.

Иларион Иванович — см. Трощинский И. И.

Кагорлык — местечко Киевской губ. и уезда, принадлежавшее А. А. Трощинскому и перешедшее к нему от Д. П. Тр—го, которому было пожаловано Екатериной II.

„Кадм и Гармония",—аллегорическая повесть М. М. Хераскова (1786 г.) с продолжением: „Полидор, сын Кадма и Гармонии" (1794 г).

„Каза̀н"—котел („Малоросс. слова". „Собр. соч. Гоголя", 15 изд. т. II, стр. 237).

Кардашевская — Карташевская, Мария Григорьевна („Машенька"), дочь директ. департам. дух. дел иностр. исповед., Григория Ив-ча (1777—1840) и его жены Надежды Тимофеевны (1794—1887), урожд. Аксаковой; двоюрод. сестра девиц Аксаковых. Гоголь писал о К-ой: „Есть души, что самоцветные камни; они не покрыты корой и, кажется, как будто и родились уже готовыми и обделанными. Их видит издали зоркий глаз ювелира, только замечает их место, сказавши „слава богу" и спешит к тем, где нужно много работы... Слова и мнения ее вы также выпишите и пришлите мне, хотя, натурально, нужно, чтобы она никак не знала этого". (Письмо к С. Т. Аксакову от 12/VIII 42 г. из Гастейна: П., III, 205—6). Гоголь восхищался портретами ее работы (С. Аксаков. „Ист. м. знаком. с Гоголем", М., 1890, стр. 22). Она высоко ценила Гоголя, как писателя, еще в нач. 30-х гг. (там же, стр. 20).

Кибинцы — Село Полт. губ. Миргородск. у., главное имение Д. П. Трощинского, который часть года жил в нем, часть—в Яреськах.

Климѐнки—соседи Гоголей по имению. Клименко, член комиссии по построению Храма Спасителя в Москве, был отрешен от должности за хищения. Через посредство Трощинского и Кутузова (см.) он хлопотал в Петербурге о реабилитации; выписку из письма Кутузова и посылает соседу Вас. А—ч. В 1831 г. Н. В. Гоголь, по желанию матери, хлопотал в Петербурге по делу вдовы умершего под судом К-а (П., I, 170 — 71). В письме к матери от 16/IV, 1832 г. (П., I, 212, и IV, 459) Гоголь изображает эту вдову от'явленной вестовщицей и сплетницей; так же изображена она в мемуарах О. В. Гоголь-Головни. Материалом, известным Гоголю из хищнических „построительных" дел Клименка, он воспользовался для слов почтмейстера про новозначенного генерал-губернатора („Мертвые души", оконч. IX

главы в переделан. виде, собр. соч. изд. 15, т. VI, стр. 14) и для эпизода об участии Чичикова в „комиссии построения“ (там же, XI гл. т. V, стр. 223—34).

Константин Николаевич, великий князь (1827—1892). Пожелание М. И. Гоголь, чтоб „дружба и согласие всегда существовали у государя с братом его К-ом Н-чем“, об‘ясняется ходившими в народе слухами, что К-н Н-ч, рожденный тогда, когда отец его был уже императором, имеет более прав на престол, чем его старший брат, рожденный в бытность его отца простым великим князем. О широком распространении этих толков свидетельствуют многократные записки в „Дневнике“ В. С. Аксаковой; напр. „в народе ходят толки, смущающие всех нас: и в деревнях и в Москве толкуют о том, что царствовать должен в. к. Константин, а не Александр, потому что Константин родился в царском роде, а Александр в княжеском, и эти слова мы слышали от многих крестьян и женщин даже“ (21/II 1855, стр. 68). При первой вести о смерти Николая I, В. С. Аксакова записывает мысль, подобную выраженной М. И. Гоголь: „Беда, если Александр не соединится за одно в направлении и всех намерениях с Константином. Константин имеет сильную народность (—популярность. С. Д.); он известен везде, как русский человек, как христианин, даже раскольники надеются на него. Между ними ходит слух, что он сказал: „Я бы не стал вас притеснять, пусть всякий молится, как хочет“. „И к тому же в народе живет мнение, что только тот законный царь, кто родился от царя“ („Дневн.“, изд. 1913 г., стр. 62 от 21/II 55 г.).

Константин Сергеевич, см. Аксаков, К. С.

Коропы — карпы, рыба.

Косяровская, Марья Ильинична, рожд. Шостак, мать М. И. Гоголь (ум. в середине 30-ых гг.).

Косяровский, Иван Матвеевич, отец М. И. Гоголь (17?—1834), служил в военной и гражданск. службе; дослужился до места губернск. почтмейстера в Харькове, после чего, выйдя в отставку, проживал в небольшом именьице в Яреськах.

Кошелев, Александр Иванович (1806—1883), славянофил, публицист, общественный деятель; в 1856—60 гг. издавал орган московских славянофилов „Русскую Беседу“.

Кулиш, Пантелеймон Александрович (1819—1897), биограф и редактор сочинений Гоголя, русский и украинский писатель. Его отношения к М. И. Гоголь заслуживают названия преданной дружбы. Одно время Кулиш даже поселился в Васильевке, в специально выстроенном им доме; расставаясь с этой жизнью подле М. И. Гоголь, писал ей: „где бы мне ни случилось расстаться... с жизнью, я буду вспоминать о вашей доброте, как об одном из самых отрадных явлений, встреченных мною в этом мрачном и скорбном мире“ (письмо от 4/XII 62 г.). Кулиш посвятил М. И. Гоголь свою поэму „Великие проводы“. Великолепную характеристику М. И-ны К. дал в письмах к Н. А. Белозерской („Рус. Ст“, 1887 г., № 3, стр. 707—710). Интересные письма его к М. И. Гоголь напечат. в „Чтен. в ист. Общ. Нестора Летописца“, кн. 16, вып. IV, Киев, 1902 г., стр. 63—67 и 104—118.

Кутузов, Логгин Иванович, (1769—1845) петербургский сановник, приятель Д. П. Трощинского.—тот самый к которому Трощинский дал юноше Гоголю рекомендательное письмо, при от‘езде его в Петербург.

Ларион — см. Трощинский, И. И.

Лигачи — селение в округе Васильевки.

Лиза — см. Гоголь, Е. В.

Лубны, уезд. город Полтавск. губ.

Любинька, см. Аксакова, Л. С.

Лютиков монастырь, — Калужск. губ., Перемышл. у., неподалеку от Оптиной пустыни.

Мануйлович, — бродяга из Сорочинец.

Матушка Погодина — см. Погодина, А. М.

Машенька, — см. Гоголь, М. В.

Машенька, — Аксакова, М. С.

Меншиков, кн. Александр Сергеевич (1787 — 1869), главнокомандующий (до 18 II 1855 г.) русскими военными силами на Крымском полуострове.

Мессинг, Аграфена Петровна, сестра М. П. Погодина.

Микола — крепостной Гоголей.

Миргород — уезд. город Полтавск. губ.

Михаил Петрович — см. Погодин, М. П.

„Молва“ — еженед. литерат. газета, выходившая в Москве, в 1857 г., под ред. С. Шпилевского. Фактическим редактором, издателем и главным сотрудником был К. С. Аксаков, за статью к-рого „Публика и народ“ запрещена на 38 №.

Надежда Николаевна, см. Шереметева, Н. Н.

Наденька — Аксакова, Н. С.

Некрасов, — брянский купец-прасол.

Николай I, император (1796 — 1855).

Николя — Н. В. Гоголь (1809 — 1852).

Олинька — см. Аксакова, О. С.

Олинька — см. — Гоголь, О. В.

„Ольга Дмитриевна“ — см. Трощинская, О. Д.

Ольга Семеновна — см. Аксакова, О. С.

Оптина Пустынь — монастырь в 3 в. от г. Козельска Калужской губ., известный своими „старцами“, послужившими прототипами для „старца Зосимы“ в „Братьях Карамазовых“ Достоевского, в 1878 г. посетившего Оптину Пустынь. Н. В. Гоголь дважды был в О. П. После посещения ее в 1850 г. он писал гр. А. П. Толстому: „Я заезжал в О. П. и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше...За несколько верст, под'езжая к обители, уже слышишь ее благоухание: все становится приветливее, поклоны ниже и участья к человеку больше“ (П., IV. 332—3). Гоголь вел переписку с монахами О. П. — Одному из них, иером. Филарету, он писал: „Мне нужно ежеминутно быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптиной пустыне“ (1850 г., 21/VI; П., IV, 326). Старца Макария он посвятил в свое „намерение составить книгу для пользы юношества“ (Шенрок, „Матер.“, IV, 828). В одном из своих оптинских корреспондентов, монахе Порфирии (Григорове), Гоголь нашел горячего ценителя своего творчества, признававшего в Гоголе „человека, к-го давно привык уважать за талант, коим славится отечество наше. Природа скупа на таких людей, как вы, и рождает их веками, зато

и века помнят их... Пишите, пишите и пишите для пользы соотечественников, для славы России", (1850 г.; там же, стр. 826). В год уныния (1850) Гоголь получает из Опт. п. этот горячий призыв к творчеству. Напечатанное Шенроком в IV т. „Писем" (стр. 410) письмо Гоголя „К духовному лицу"—обращено к оптинскому игумену Моисею.—Кроме Гоголя и Достоевского, с Оп. п. связаны имена Ив. и П. Киреевских, К. Леонтьева, Л. Толстого, В. Соловьева, Страхова, А. К. Толстого и др.: они неоднократно посещали этот монастырь, а К. Леонтьев—проживал в нем в 1887—91 гг.

Остап — крепостной родителей Гоголя.

Пантелеймон Александрович — Кулиш, П. А.

Петриченко — крепостной Гоголей.

Погодин, Михаил Петрович (1800 — 1875), академик, историк, издатель „Москвитянина", приятель Гоголя. М. И. Гоголь познакомилась с ним в 1840 г. Летом 1842 г. Погодин, проездом заграницу, посетил М. И. Гоголь в Васильевке (Барсуков, Жизнь и труды Погод., т. VII, 1893 г., стр. 5 — 6). После смерти Гоголя Погодин сделал попытку приобрести все оставшиеся после него рукописи.

Погодина, Аграфена Михайловна — мать М. П. Погодина (17? — 1851). В письме к ней, в 1847 г., Гоголь благодарил ее за „радушное гостеприимство" (П., III, 449).

Погодина, Елизавета Васильевна (18? — 1844), урожд. Вагнер первая жена М. П. Погодина. Человек доброй и приветливой души, она тепло относилась к Гоголю, который был с нею в переписке. На счет приветливости и радушия Е. В. П—ой надо отнести то, что Гоголь и в 1840 и в 1842 г., когда у него были весьма натянутые отношения с самим Погодиным, не усомнился поместить в его доме свою мать и сестер.

„Псюльская рыба"—рыба из р. Псла, описанного в „Сорочинск. ярмарке". На р. Псле стояли Яреськи, где у Гоголей был хутор.

Решетиловка — местечко Полтавск. губ. и у., на р. Голтве, с оживленными ярмарками.

Розянки — Родзянки, известный украинский дворянский род, обладавший земельными владениями в Миргородском и соседних уездах Полтавск. губ. Родзянки были частыми посетителями Кибинец. „Родзянкиных было в семействе с разными живущими душ 14, Трощинских и Капнистов также, и все они проживали по месяцу вместе" (М. И. Гоголь в письме к С. Т. Аксакову, „Соврем.", 1913 г., IV, стр. 250). В Кибинцах часто гащивал Арк. Гавр. Родзянко, поэт Пушкинской эпохи (1793—конец 40-х гг.), вышедший в 1821 г. в отставку и живший в своих богатых полтавских имениях (см. о нем Б. Модзалевского. „Рус. биогр. словарь". Рейтерн - Рольцберг. Спб. 1913, стр. 295—7). Он угождал Трощинскому быстрым сочинением пьес: „когда случалось, по окончании театра в последний раз на масляной, вздумается Д. П. еще просить что-нибудь сыграть, то он ровно в два часа сочинял комедию и в тот же вечер ее играли" (Письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову, „Совр.", 1913, IV, 250 стр.). Характер поэзии и личности Родзянки, „Пирона Украины", таков, что встреча с ним у Трощинского не могла быть приятна семейственной М. И. Гоголь. Из других Родзянок не в дальнем соседстве с Гоголями и Трощинскими жил участник войны 12 года, Влад. Фед—ч Р. (1793—187?), с 1824 г. поселившийся в имении

своем в Хорольском у., хороший хозяин и впоследствии участник дела освобожд. крестьян. Наконец, Ник. Петр. Родзянко (ум. 1831 г.) был воспитанником Нежинского лицея; он окончил его вместе с приятелем Гоголя Прокоповичем (4 вып.), через год после Гоголя (3 вып.). „Гимн. высш. наук и лицей кн. Безбородко", изд. 2, Спб. 1881 г., стр. CXXXII).

„Русская Беседа"—орган славянофилов, издававшийся А. И. Кошелевым в Москве в 1856—1860 гг.

Савка — крепостной слуга Гоголей.

Семен Федорович — вероятно, один из соседей — помещиков Гоголей.

Сергей Тимофеевч — см. Аксаков, С. Т.

Сестрица Погодина — см. Мессинг, А. П.

Симониха — крепостная родителей Гоголя, вероятно, жена Симона, дядьки Н. В. Гоголя, жившего при нем в Нежине и Петербурге.

Сонечка — см. Аксакова, С. С.

Сорочинцы — местечко Полтавск. губ. Миргор. у., на р. Псле, с 5 ярмарками; одна из них описана в повести Гоголя.

„Старики" — см. Косяровские, И. М. и М. И.

Степан Петрович, — Шевырев, С. П.

Супруга Погодина — см. Е. В. Погодина.

Татьяна — см. Гоголь, Т. В.

Таня — см. Гоголь, Т. В.

„Тетенька"—Трощинская, А. М. (см.).

Тимош — крепостной родителей Гоголя.

Тирасполь — уез. гор. Херсонской губ., на р. Днестре.

Трощинская, Анна Матвеевна—урожд. Косяровская (17?—1833 гг.), родная тетка М. И. Гоголь по отцу, мать А. А. Трощинского, вдова Андрея Прок. Трощинского, старшего брата вельможи. М. И. Гоголь жила у нее в Яреськах до 12-летн. возраста и сохранила на всю жизнь горячую привязанность к ней. Трощинская очень любила М. И—ну и всю семью Гоголей, побуждая постоянно своего богатого сына помогать Гоголям. После получения А. Трощинским наследства от дяди, А. М. убеждала сына отдать Яреськи М. И. Гоголю, но не встретила в нем сочувствия (О. В. Гоголь-Головня. „Из семейн. хроники Гоголей", Киев, 1909 г., стр. 23). Гоголь уважал и любил Анну Матвеевну более всех своих старших родственников (см. П., I, 7—8, 193—4, 259).

Трощинская, Ольга Дмитриевна—жена А. А. Трощинского, урожд. Кудрявцева; ее мать считалась дочерью последнего польского короля Станислава Понятовского, М. И. Гоголь была в хороших отношениях с нею и вела оживленную переписку. (Отрывки ее в „Рус. Ст.", 1882 г., № 6, стр. 672—78).

Трощинский, Андрей Андреевич—(1774—1852), генерал - майор, племянник Д. П. Трощинского; по своей матери, А. М. Косяровской, он приходился двоюродным братом М. И. Гоголь, урожд. Косяровской. Трощинский управлял, имениями Д. П. Трощинского, а потом и наследовал их. В письмах к матери 1829—30 гг. Н. В. Гоголь подробно рассказывает о материальной помощи ему А. Т—го, в Петербурге. М. И. Гоголь, пользовавшаяся также поддержкой А. Т—го, сообщает ему известия о сыне и

его литературных успехах („Рус. Ст.“, 1882 г., № 6). „Он был к нам добр“ — характеризует Гоголь отношение А. Т—го к их семье (П., I, 552, от 1836 г.).

Трощинский, Дмитрий Андреевич—сын и наследник А. А. Т—го; „считался миллионером, после смерти отца все спустил, и на старости пришлось ему служить у губернатора секретарем, и у меня пришлось ему нанимать только одну комнату—и то благодарил, что я его приняла“ (О. В. Головня-Гоголь. „Из семейн. хрон. Гоголей“, К., 1909 г., стр. 23).

Трощинский, Дмитрий Прокофьевич (1754 — 1829), вельможа Екатерининской и Александровской эпох, статс-секретарь (1793 г.), сенатор, главный директор почт (1801), член, госуд. совета, действ. тайн. советн., министр уделов (1802). В 1806—14 гг., находясь в отставке, был маршалом Полтавск. дворянства. В 1814—17 гг.—министр юстиции. С 1822 г. до смерти проживал безвыездно в своих великолепных Кибинцах и Яреськах. Панегирический биографич. очерк Т—го, написанный по ценным материалам, см.: (И. И. Ореус.). „Д. П. Тр—ий“. („Рус. Ст.“, 1882 г., VI, 640—682 стр.).

Трощинский, Иларион (Ларий) Иванович; его отец, по отцу своему, Ефиму Прокофьевичу, был племянником Д. П. Трощинского. Гоголь дважды осведомляется о нем в письмах к матери (I, 316, от I/VIII 1834 г.,— I, 352,—от 23/IX 1835 г.). Будучи студентом Харьковск. унив—та, он присылал Вас. Аф. Гоголю свои произведения „для критики“, а с „Никошей“ (Н. В. Гоголем) занимался совместным чтением стихов и др. сочинений („Чтен. в общ. Нестора Летоп.“, кн. 16, вып. I—III, Киев, 1902 г., стр. 42).

Трушковский, Николай Павлович (1833—1862), сын М. В. Гоголь-Трушковской, крестник Н. В. Гоголя, названный Николаем в честь дяди. Воспитанный в Васильевке, он, по желанию дяди, поступил в Казанский университет. „Т.—добрый, неглупый человек,—записывает о нем в своем „Дневнике“ В. С. Аксакова (стр. 27—8).—Он чтит память дяди всей душой, с благоговением“. Т—ий явился издателем посмертных сочинений Гоголя („Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти“, М. 1855 г., 2 тт.; в 1—предисловие Т—го) и 2-го издания „Полн. собр. сочин.“ („Сочинения Гоголя“, М. 1855—1856 г., 6 тт.). На это дело Т—им положено много труда и хлопот. Т—ий начал подготовлять и следующее, 3-ье издание, собирая для него письма Гоголя, но заболел душевным недугом. Издание было осуществлено П. А. Кулишем в 1857 г.

Федор Прокофьевич — см. Голованов.

Федька—крепостной родителей Гоголя, употреблявшийся для исполнения деловых поручений. В 1822 г. он отвозил деньги и припасы Н. В. Гоголю в Нежин (П., I, 17).

Ходос — крепостной родителей Гоголя.

Цюревский, Петр Федорович—помещик, ближайший сосед Гоголей, родственник друга Гоголя, А. С. Данилевского. Гоголь признавал за ним и его женой практический смысл и знание хозяйства. 16/IV 1831 г. он спрашивает мать про Ц—го: „Пошел ли его завод в прок? Я чрезвычайно любопытен знать состояние земляков наших, которых беспрестанные разорения имений чрезвычайно трогают меня. Часто на досуге раздумываю о средствах,

какие могут найтиться для того, чтобы вывесть их на прямую дорогу" (П., I, 177—8).

Шевырев, Степан Петрович (1806—1864), профессор Московского унив., историк русск. литерат., поэт и критик, приятель Гоголя; принимал деятельное участие в издании посмертных его сочинений; в 1852 г. он посетил М. И. Гоголь в Васильевке, собирая материалы для порученной ему Академией Наук биографии Гоголя, которая не была им написана.

Шереметева, Надежда Николаевна (1775—1850), урожд. Тютчева, родная тетка поэта. Н. Н. была одной из самых замечательных русских женщин—по своему светлому уму, доброте и высокому строю души. Ее глубоко ценили Жуковский, Языков, друг Пушкина—Нащокин, С. Аксаков. По поводу ее смерти декабрист Е. П. Оболенский писал: „Она каждого умела любить не просто, как человека, а как друга и брата. Каждый был уверен, что она готова на всякое доброе дело... Ее радость была в том, чтобы любить". Гоголь, познакомившийся с нею в 1840 г., настолько сблизился с нею, что звал ее своей „духовной матерью". Он ищет у нее утешения и внутренней поддержки в самые тяжелые минуты своей жизни—и находит их неизменно. Его письма к ней чрезвычайно важны для характеристики его внутренней жизни, а ее ответные письма полны тонкого внимания к нему. С М. И. Гоголь Шереметева познакомилась в мае 1842 г. и стала ей близким человеком, входившим во все интересы ее жизни.

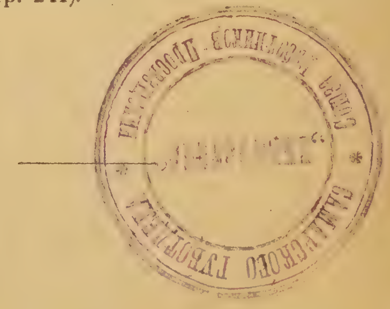
Шишак—местечко Миргородск. у., Полтавск. губ., на р. Псле.

Щепкин, Михайло Семенович (1788—1863), знаменитый актер Московского Малого театра, друг Гоголя, создатель ролей Городничего („Ревизор"), Подколесина и Кочкарева („Женитьба"), Утешительного („Игроки"). В его бенефис, в 1843 г., шли только что напечатанные тогда „Женитьба" и „Игроки".

„Яворивщина"—яворовый лесок, соседний с Васильевкой, „излюбленное место прогулок как Вас. Аф., так и Ник. Вас. Гоголей". (Шенрок, „Мат.", I, стр. 51).

Яреськи—местечко в Миргородск. у., на р. Псле. Там были владения Трощинских и хутор Гоголей (70 десят.) см. Н. Быков. „К биографии Гоголя". „Рус. Ст.", 1888 г., № 3, стр. 768). В Яреськах жила А. М. Трощинская (см.).

„Ятка" — „род палатки или шатра" („Малоросс. слова". „Собр. сочин. Гоголя", 15 изд., т. II, стр. 241).

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 1 р. 90 к.

Р

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ"
МОСКВА 19, ВОЗДВИЖ